ВЕЛИКОЙ ПАРТИИ ЛЕНИНА — СЛАВА!

XXIII СЪЕЗД КПСС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 14 (2023)

3 АПРЕЛЯ 1966

МОСКВА. КРЕМЛЬ.

XXIII СЪЕЗД КОМ

29 МАРТА 1966 ГОДА НАЧАЛ СВОЮ РАБОТУ

МУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

С отчетным докладом Центрального Комитета КПСС выступил Первый секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, горячо встреченный делегатами и гостями съезда.

МОСКВА. КРЕМЛЬ. XXIII СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАР

ЕДИНСТВЕННО ВЕРНАЯ ЛЕНИНСКАЯ ДОРОГА

Вадим **КОЖЕВНИКОВ**,
делегат XXIII съезда КПСС

Еще задолго до того, как были избраны делегаты на XXIII съезд КПСС, советский народ, труженики нашей страны стали соучастниками будущего партийного съезда. Всенародное обсуждение проекта Директив XXIII съезда партии по новому пятилетнему плану явилось тому высоким свидетельством.

И в этом всенародном обдумывании того, как лучше, хозяйственнее и дерзновеннее осуществить предначертания пятилетки, явно и ярко обозначилось творческое могущество народа, подтвержденное богатым историческим опытом строительства нового мира.

Съезд партии — это высший коммунистический Совет народа — творца истории.

В эти дни все мысли граждан нашего государства устремлены к Кремлевскому Дворцу съездов. XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза знаменует новый шаг в развитии научного коммунизма, в дальнейшем творческом воплощении ленинских принципов в практику социалистического строительства. Это новый этап созидания материально-технической базы коммунизма, это образец гармонического сочетания экономического могущества державы, подъема жизненного уровня каждого труженика, укрепления содружества стран социалистического лагеря...

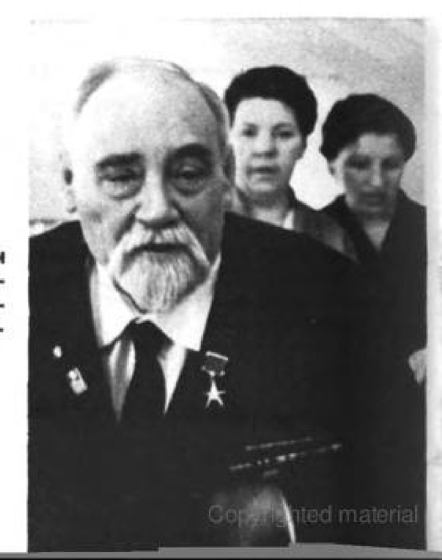
XXIII съезд КПСС на основе научных принципов коммунизма с расчетливой мудростью прокладывает коммунистические трассы в будущее. И то, что среди делегатов съезда мы видим представителей всех областей созидания материальных и духовных ценностей, свидетельствует о том, что на этом высшем Совете партии участвует как бы весь советский народ. Он участвует лучшими своими посланцами, которым вверил свои думы и чаяния.

В этом самая большая наша сила и самый верный залог наших успехов. «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда». Так говорил великий Ильич.

Эти слова можно было бы поставить эпиграфом к XXIII съезду партии. Так думалось, когда я слушал отчетный доклад съезду, с которым

Старая большевичка, Герой Социалистического Труда А. В. Артюхина, знатный свекловод Украины, Герой Социалистического Труда О. М. Пасека и аппаратчица химкомбината из Днепродзержинска Р. А. Косарева.

Делегат съезда, член КПСС с 1896 года, Герой Социалистического Труда Ф. Н. Петров.

ТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

выступил Первый секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, когда я слушал выступления делегатов съезда в прениях по этому докладу, когда встречался в эти дни с людьми разных профессий. Замыслы партии поддерживают и утверждают как свои жизненные планы миллионы и миллионы людей. Потому так уверены в своих силах коммунисты нашей страны, потому так решительны и тверды их голоса на трибуне съезда.

— Советский народ видит в партии своего вождя, руководителя, организатора всех побед,— торжественно прозвучали под сводами зала Кремлевского Дворца съездов эти заключительные слова отчетного доклада Центрального Комитета партии съезду КПСС.— Он на деле убедился и убеждается каждодневно, что политика партии — и внешняя и внутренняя — это единственно верная политика, а дорога, которой партия ведет советский народ, единственно верная ленинская дорога.

И прибой рукоплесканий, которыми встретили делегаты и гости съезда эти слова, был словно широкая, мощная подпись лучших сынов и дочерей страны, подпись, еще и еще раз утверждающая единство партии и народа.

29 марта в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, начал работу очередной XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Съезд открыл вступительной речью Первый секретарь ЦК КПСС тов. Брежнев Л. И.

Съезд избрал Президиум съезда, Секретариат, Редакционную комиссию и Мандатную комиссию.

Утверждается следующий порядок дня съезда:

1. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС — докладчик Первый секретарь ЦК КПСС тов. Брежнев Л. И.

2. Отчетный доклад Центральной Ревизионной Комиссии КПСС — докладчик Председатель Центральной Ревизионной Комиссии тов. Муравьева Н. А.

3. Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг. — докладчик Председатель Совета Министров СССР тов. Косыгин А. Н.

4. Выборы центральных органов партии.

С отчетным докладом Центрального Комитета КПСС выступил Первый секретарь ЦК КПСС тов. Брежнев Л. И., горячо встреченный делегатами и гостями съезда.

Затем съезд заслушал отчетный доклад Центральной Ревизионной Комиссии, с которым выступила Председатель Центральной Ревизионной Комиссии тов. Муравьева Н. А.

Работа съезда партии продолжается. Выступают делегаты, приветствуют съезд наши зарубежные гости.

Глава делегации Социалистической единой партии Германии Вальтер Ульбрихт беседует с председателем колхоза, дважды Героем Социалистического Труда М. А. Посмитным.

Глава делегации Румынской коммунистической партии Николае Чаушеску (справа) и летчик-космонавт, Герой Советского Союза В. М. Комаров среди делегатов.

Делегация Болгарской коммунистической партии. В центре — глава делегации Тодор Живков.

МОСКВА. КРЕМЛЬ. XXIII СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАР

Глава Постоянного Представительства Национального фронта освобождения Южного Вьетнама в СССР Данг Куанг Минь (справа).

Делегация Союза коммунистов Югославии.

Делегаты Киевской партийной организации.

Делегация Краснодарского края в зале заседаний.

Глава делегации Монгольской народно-революционной партии Ю. Цеденбал.

ТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Аппаратчица киевского завода «Красный резинщик» В. С. Омельченко и дважды Герой Социалистического Труда, авиаконструктор А. С. Яковлев.

Члены делегации Коммунистической партии Индии во время перерыва беседуют с делегатами съезда.

Писаки пишут, а жизнь идет

Всеволод КОЧЕТОВ,
делегат XXIII съезда КПСС

В последнее время западная печать много шумела о том, что в Советском-де Союзе сворачивают с пути социалистического и поворачивают на путь, который если еще и не ведет прямо к капитализму, то, во всяком случае, сулит нечто подобное. Корреспонденты буржуазных газет и радио срочно адресовали в свои редакции десятки, сотни корреспонденций, подбирая для них с московских мостовых мусор ими же самими и распускаемых слухов, сметая в блокноты шелуху толков и пересудов.

Опираясь на эту чушь, солидные комментаторы и экономисты возводили теоретические конструкции, делали широковещательные прогнозы. И дико чему-то радовались.

Чему? Да тому, конечно, что им и их хозяевам вновь померещилось уже не раз за сорок восемь лет существования Советской власти мерещившееся.

Когда-то мир капитализма, сдирая по утрам листки календарей, отсчитывал недели и месяцы, остававшиеся до краха большевиков в России. Позже отсчеты делались на годы и на пятилетия. А после Великой Отечественной войны, когда Советская Армия разгромила ударный эшелон мирового империализма — гитлеровскую Германию и груды знамен полчищ Гитлера были брошены к подножию Мавзолея на Красной площади, всякие отсчеты и вовсе прекратились.

И вот вдруг опять: «Кризис социалистической экономики!», «Коммунизм — миф!», «Советы в тупике!». Незабвенной памяти батька Нестор Махно утверждал: анархия — мать порядка. Теоретики капитализма не устают повторять: только частное предпринимательство, только свободная конкуренция предпринимателей — столбовая дорога к процветанию государств и их народов.

...Мы сидим в зале Дворца съездов в Московском Кремле. От имени ЦК КПСС XXIII съезду партии сделан глубокий и содержательный отчетный доклад Л. И. Брежневым. Развертывается обсуждение пройденного, совершенного за отчетный период, намечается программа будущих обширных деяний советского народа, его партии, каждого в отдельности нашего человека.

Какой к черту кризис! Кому он померещился? Какие мифы? Поступью знающих свое дело строителей мы шли и идем к той цели, какую партии советских коммунистов завещал Ленин. Преодолеваются последствия бесчисленных и поспешных реорганизаций, перестроек, разделений, преобразований, задержавших было нас на этом пути, замедлявших темп роста и развития нашей экономики. Организующая сила партии, самостоятельное творчество масс, как могучая река, крушат все преграды, нагромождения, и нарастает, нарастает неудержимый поток жизни к океану желанного будущего — к коммунизму.

Тяжкие разочарования ждут наших противников. Но не о них забота двенадцати с половиной миллионов коммунистов Советского Союза. Партия живет для народа, живет думами о его благе. Да, будет так, именно так — все материалы съезда свидетельствуют об этом: партия осуществит свои обязательства. Советские люди получат по всей стране пятидневную неделю с двумя выходными днями; твердый заработок, достаточное пенсионное обеспечение ждет советских крестьян-колхозников; устойчивые урожаи придут на колхозные поля; значительно поднимется производительность труда на промышленных предприятиях. Все новые и новые прекрасные плоды принесет народу социализм.

О чем теперь останется писать писакам, сочиняющим сегодня для собственного утешения нелепые басни о наших «кризисах» и «тупиках»? Если бы они были подальновидней,— не баснями бы им заниматься, не выдумками, а повнимательней вглядываться в жизнь, в борьбу советского народа, в деяния нашей партии. Рано или поздно читатели с них спросят правду. Правда все равно победит.

НАША НАДЕЖДА

Уильям КАШТАН,
Генеральный секретарь Компартии Канады

Советский народ успешно продолжает строительство коммунизма. Своими практическими делами и трудовыми победами он доказывает преимущество социализма над капитализмом. Это ярко показано в отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду.

Мы испытываем большую радость, наблюдая за гигантским прогрессом Страны Советов. Несомненно, XXIII съезд примет важные решения, которые позволят советским людям сделать новый шаг на пути к коммунизму.

АПН

Уильям Каштан и композитор Д. Б. Кабалевский.

Глава делегации Венгерской социалистической рабочей партии Янош Кадар, летчик-космонавт Герой Советского Союза А. А. Леонов и скульптор А. П. Кибальников.

МОСКВА. КРЕМЛЬ. XXIII

Вершина братской солидарности

Герхард ДАНЕЛИУС,
первый секретарь Правления СЕПГ — Западный Берлин

Мы, немецкие коммунисты, встретили XXIII съезд КПСС с чувством дружбы и благодарности к народам Советского Союза, к его ленинской партии.

Коммунистическая партия Советского Союза всегда была верна принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Революционное рабочее движение в Германии и в России объединяли узы дружбы и солидарности. Я вспоминаю о ценных идеологических и политических указаниях великого Ленина в период становления рабочей марксистской партии в Германии. Я вспоминаю о массовом движении «Руки прочь от Советской России!», развернувшемся в Германии после Великой Октябрьской социалистической революции. Я вспоминаю о материальной помощи Советской страны немецким рабочим.

Вершиной этой солидарности является братский союз между первым немецким рабоче-крестьянским государством — Германской Демократической Республикой — и Советским Союзом. Это братство служит примером для всего немецкого народа.

Доклад, с которым выступил Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Брежнев, вновь и вновь убеждает нас в том, что XXIII съезд является важным вкладом в укрепление единства и сплоченности мирового коммунистического движения на основе принципов марксизма-ленинизма.

АПН

ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ ОТ ТРУДОВОЙ НИГЕРИИ

Тунжи ОТЕГБЕЙ,
Генеральный секретарь Центрального Комитета Социалистической рабоче-крестьянской партии Нигерии

Мне выпала большая честь присутствовать в качестве гостя на XXIII съезде Коммунистической партии Советского Союза. В эти дни нигерийский рабочий класс и крестьянство, Социалистическая рабоче-крестьянская партия Нигерии шлют свой горячий привет советскому народу и его авангарду — Коммунистической партии.

Мы желаем новых успехов трудящимся Советского Союза в осуществлении величественного плана построения коммунизма, успехов в достижении советским народом еще более высокого жизненного уровня. Мы верим, что достижения и победы советских людей на трудовом фронте вновь продемонстрируют превосходство социалистической системы над капиталистической.

Трудящиеся Нигерии глубоко верят, что богатейший опыт строительства социализма и коммунизма в СССР станет доступным и для африканских народов.

АПН

У кабин

В кулуарах съезда...

Интервью для английской газеты...

Летчик-космонавт, Герой Советского Союза П. И. Беляев дает автографы

СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

На почтовом пункте Кремлевского Дворца съездов.

Фоторепортаж с XXIII съезда КПСС ведут наши специальные корреспонденты Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ и А. ГОСТЕВ.

Выставка книг в фойе Георгиевского зала.

автоматической междугородной связи.

На память о съезде.

Мир смотрит на Москву

Г. ГУРКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Несколько дней назад, когда вертолет «МИ-6» забросил нас сюда из маленькой уютной Голландии, Париж казался беспросветно серым.

А сегодня уже цветут яблони в парижских предместьях и диктор телевидения, большеглазая красавица с улыбкой Джоконды, сообщает, что в ближайшие дни Париж сбросит пальто и обратится к летним модам.

Диктор заканчивает с погодой и объявляет, что сейчас начнется экстренный выпуск новостей. Мы все ждем этот выпуск, мы знаем, о чем он будет.

И вот на экране — Москва. Дворец съездов. Ассамблея советских коммунистов.

Каждому, кому приходилось бывать за рубежом в дни, когда на Родине происходят огромные, мирового значения события, видимо, знакомо это двойственное чувство: с одной стороны, хотелось бы сейчас оказаться дома, среди друзей и товарищей, чтобы вместе с ними слушать, говорить, думать; с другой стороны, необычайно интересно наблюдать, как воспринимаются эти события там, где ты находишься, за сотни или порой тысячи километров от Москвы.

Несколько дней назад на площади Конкорд, возле американского посольства, происходила многотысячная демонстрация под лозунгом «США, вон из Вьетнама!». А совсем незадолго до этого на авеню Карно, тоже в самом центре города, в двух шагах от Триумфальной арки, произошла перестрелка полиции с вооруженной бандой гангстеров. Были убитые. Конечно, у посетителей фешенебельного кафе «Брассери Флип» на бульваре Сен Жермен, где собираются интеллектуалы и снобы, интересы и взгляды совсем иные, чем, скажем, у бастовавших на прошлой неделе парижских электриков. Это ясно. Но все-таки весь Париж — город чуткий к большим событиям, где бы они ни происходили. Он реагирует с точностью хорошего барометра. И сегодня — это можно сказать без преувеличения—нет в Париже человека, который не слышал бы, что в Москве проходит XXIII съезд КПСС, не интересовался бы работой съезда. О нем сообщает в специальных выпусках телевидение, ему посвящены передовые статьи газет, репортажи корреспондентов, отправленных в Москву, на съезд. Прерывая обычную радиопрограмму, каждый час передают материалы съезда Французское национальное радио, мощные радиостанции «Радио-Люксембург», «Европа-1» и другие.

В первый день съезда я вместе с корреспондентом «Известий» Л. Володиным поехал на радиодискуссию, на которой он должен был выступать. За круглым столом студии собрались видные комментаторы, публицисты. Советские журналисты, три француза, американец. Такой же круглый стол в Женеве. Радиодиалог начал шеф-комментатор «Радио-Женева» Жан Эйр. «Главное событие, которое происходит сегодня в мире,— сказал он,— это съезд советских коммунистов». И хотя разговор в дальнейшем был бурный и точки зрения далеко не всегда совпадали, в оценках масштабов этого события расхождений не было.

Да, мир сегодня смотрит на Москву. И Париж, разумеется, тоже.

Здесь, в этом городе, связи которого с Россией глубоко традиционны, можно найти множество примеров симпатий и уважения к русским людям, к советскому народу. Любительская театральная труппа производственного комитета аэродрома Орли ставит «Дядю Ваню» Чехова, а в парижских кинотеатрах «Триумф», «Хельдер» и «Драгон» идет фильм Сергея Параджанова «Тени забытых предков» (здесь он называется «Огненные кони»). «Такого фильма мы никогда еще не видели»,—пишет «Фигаро». Несколько дней назад площадь перед зданием Национальной оперы получила название Дягилева, который в свое время впервые привез в Париж русскую балетную труппу. В «Фоли Бержер» популярная певица Жаклин Брюнар по просьбе публики исполняет на бис «Калинку», а на концертных афишах нынешнего сезона анонсируются гастроли Давида Ойстраха. В политических кругах Франции большие ожидания связываются с предстоящим в июне визитом президента де Голля в Советский Союз. А коммерсанты и научные работники все чаще берут билеты в Москву, чтобы обменяться с советскими представителями предложениями о торговле и сотрудничестве. Вполне естественно, что здесь, в Париже, с исключительным удовлетворением была встречена оценка нынешних советско-французских отношений в отчетном докладе ЦК КПСС. Об этом мне приходилось слышать от многих собеседников — начиная с портье гостиницы и кончая руководителями крупных французских фирм, которые сейчас изучают возможность закупки советских вертолетов.

Когда наши летчики, которые привели во Францию «МИ-6», приезжают на аэродром Бурже, где проводятся демонстрационные полеты гигантской советской машины, люди в синих комбинезонах, рабочие и техники авиакомпании «Эр Франс» часто подходят к ним, хлопают по плечу, улыбаются, протягивают газеты с сообщениями и снимками из Москвы. В старой гостинице, где мы живем, к завтраку нам приносят консервативную «Фигаро», а здесь, в ангарах Бурже, читают «Юманите»—газету французских коммунистов.

— Бьен! Хорошо! — таков комментарий людей в синих комбинезонах, таково их мнение о работе XXIII съезда КПСС.

В эти дни на Елисейских Полях, в павильонах автомобильных заводов «Рено», открылась выставка, посвященная Жюлю Верну. Многое из того, о чем писал сто лет назад великий фантаст, сегодня стало реальностью — подводные корабли и телевидение, ракеты и полеты к Луне.

Мадам Мишель, распорядительница выставки, провела меня через залы, где собраны издания книг Жюля Верна и высказывания о нем — слова Жорж Санд, Толстого, Тореза, Гагарина.

В большой комнате — круговая панорама Луны, снятая советской станцией «Луна-9», макет «Луны-2», еще в 1959 году доставившей на лунную поверхность советские вымпелы с серпом и молотом.

— Скоро будем показывать здесь фильм, снятый Леоновым,—сказала мадам Мишель.— О, это, значит, еще больше людей будет на выставке.

При выходе из павильонов «Рено» на меня наскочил высокий белобрысый парень в голубой куртке с надписью «Нью-Йорк таймс» на спине. Он размахивал пачкой свежих газет и кричал:

— «Нью-Йорк таймс»! Новости из Москвы! Съезд советских коммунистов!

Парень знал свое дело. Он хорошо понимал, какие новости сегодня интересуют людей, и парижан и приезжих, говорящих на французском языке, на английском, на всех других языках мира.

Париж. По телефону.

В Москве, в зале Союза художников СССР, на улице Горького, открылась выставка работ П. Н. Пинкисевича. Здесь представлены его иллюстрации к произведениям Бальзака, Альфонса Доде, Джека Лондона, Голсуорси, А. Куприна, М. Шолохова, А. Малышкина, С. Сартакова.

На снимке: делегат XXIII съезда КПСС первый секретарь Союза художников СССР, академик Б. В. Иогансон выступает на открытии выставки. В центре — художник П. Н. Пинкисевич.

Фото Г. Макарова.

В ЦВЕТУ И В СНЕГАХ

Он стоит у слияния Оми с Иртышом. Он высоко в небо взметнул причудливые силуэты «этажерок» большой химии. Вгрызся в землю нефтепроводом Усть-Балык—Омск. Спустил на воду обновленные белоснежные красавцы лайнеры... Это о нем писал в конце семнадцатого столетия сибирский историк и картограф Семен Ремезов: «Край о самой. степи Калмыцкая пристоити вновь быти городу...». Летом этого года городу исполнится 250 лет.

В гражданскую войну Омск бил белогвардейцев. В пору первых пятилеток помогал перестраивать Западную Сибирь. В лютую зиму 42-го пришел на лыжах с Иртыша на Волгу и вместе со всем советским народом героически отстаивал великую твердыню.

А сейчас Омск щедро одаряет отечественную промышленность самыми разными творениями человеческих рук. Машинами, синтетическим каучуком, лаками, красками...

Красивы бесконечные кварталы новых домов города, его улицы и площади. Зимой одетые инеем, запорошенные снегом, летом они благоухают цветами. Омск — самый зеленый город Российской Федерации. На бульварах и скверах, в садах и парках высажено за последние десять лет более 12 миллионов деревьев и кустарников. На газонах цветут гиацинты и розы, канны и георгины.

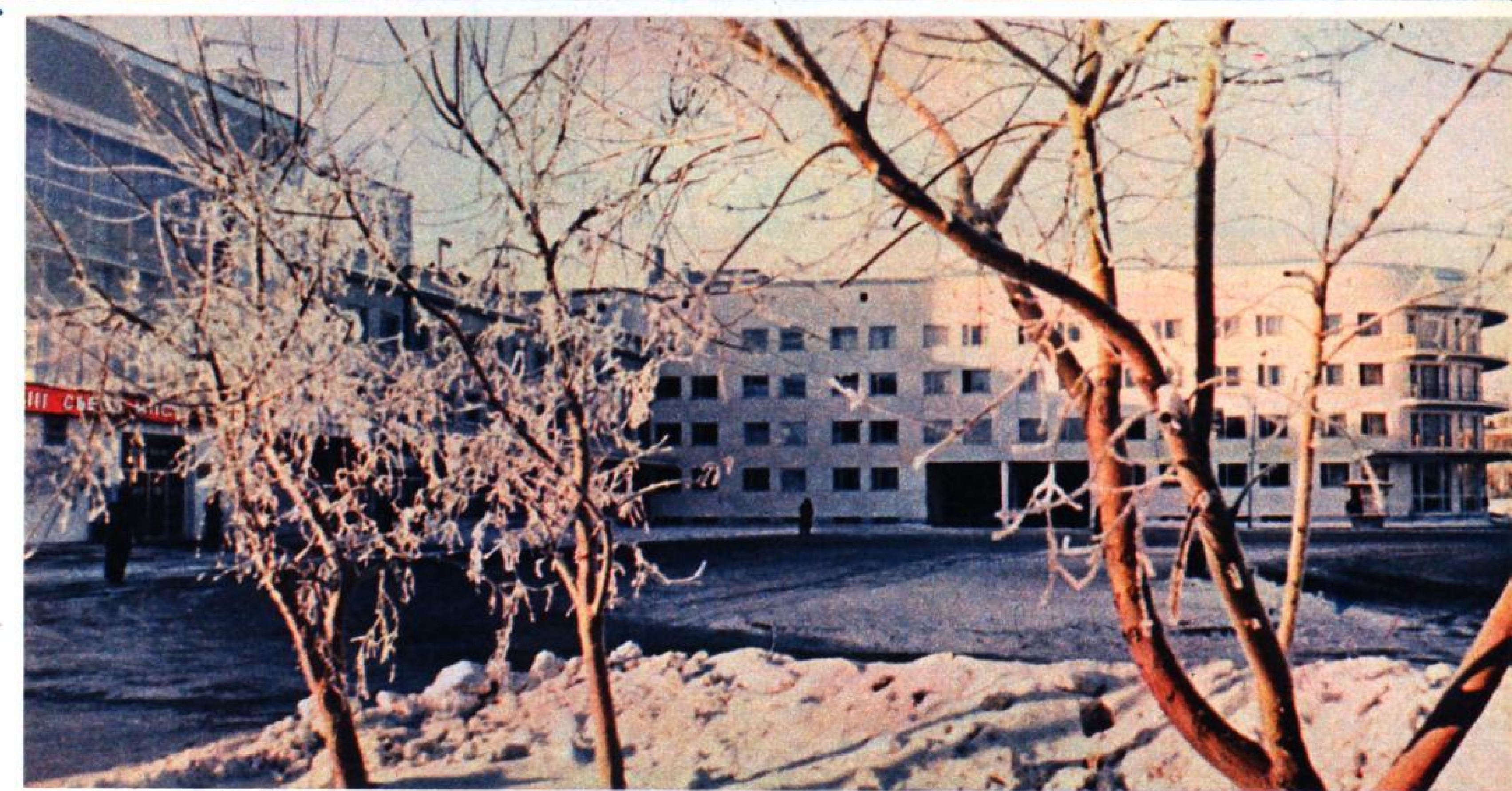
Любят здесь и спорт. Относится это не только к юным игрокам «Нефтяника», изображенным на фотографии, но и к весьма солидным по возрасту горожанам.

Свыше тридцати высших и средних специальных учебных заведений готовят химиков, машиностроителей, врачей, учителей... Омск стоит на переднем крае пятилетки.

Вл. БАЗАЛЬТ, Л. ОСТАПЕНКО

Красив зимний Омск и вечером и днем. Иней на ресницах Оли Рыжмановой, ученицы 10-го класса, инеем убрана и площадь Речного вокзала.

Юным хоккеистам и стужа не помеха!

Фото Д. УХТОМСКОГО

Улицы в мороз пустеют рано. Даже Ленинградская площадь в центре города становится безлюдной.

Зато переполнены театры, клубы. На концерт во Дворец нефтяников пришла студентка Мария Маймина.

Троллейбусы собирают редких прохожих.

Открытия доктора Петровой

В Государственном реестре страны за последние десять лет зарегистрировано сорок два открытия. Это немного. Природа с трудом расстается со своими тайнами. Два из них принадлежат Анне Николаевне Петровой — доктору биологических наук, старшему научному сотруднику Института биохимии АН СССР.

«Открытием признается установление неизвестных ранее объективно существующих закономерностей, свойств и явлений материального мира» — так сухо, но точно расшифровывает это понятие «Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях».

В чем же суть работ доктора Петровой?

Существуют вещества, которые значительно ускоряют реакции. Химики их называют катализаторами. Подобные вещества — ферменты — действуют в организмах. Они в сотни раз ускоряют биохимический обмен, без которого немыслима и сама жизнь.

Одна из важнейших функций организма — движение. В результате мышечной работы пульсирует кровь, организм дышит, идут сложнейшие химические процессы пищеварения. Какое же горючее вызывает движение в живом организме, что является источником этой энергии? Такие источники найдены: это простые и сложные углеводы, и в частности гликоген. При распаде, сгорании гликогена освобождается энергия, необходимая для работы мышц.

Строение молекулы гликогена сравнительно простое. Она состоит из горизонтальной цепочки с ответвлениями. В ней более тысячи молекул глюкозы. Какая же сила вяжет эти цепи? Ферменты. Но какие?

И вдруг в печати появилось сообщение, что одному немецкому ученому удалось открыть фермент, управляющий построением молекулы гликогена. Доказательства, приводимые им, были настолько вескими, что многие специалисты не подвергали их сомнению. Анна Николаевна Петрова попыталась экспериментально повторить путь ученого и обнаружила, что он ошибся. И тогда она решила сама вести поиск неизвестного фермента.

Опыты, целая серия опытов. Годы напряженного труда. И, наконец, вот он — белая, нежная, пушистая масса. Искомый фермент мышечной ткани.

Но открыть фермент не самоцель. Как использовать его — вот что волнует теперь исследователя. Не сможет ли новый фермент помочь людям при заболевании мышечной системы?

А в сельском хозяйстве? Не ускорит ли он сроки откорма животных и птицы, не улучшит ли качество продуктов?

Анне Николаевне удалось сделать еще одно открытие: найти неизвестный науке фермент, который образует простые и сложные углеводы без участия фосфорной кислоты. Открытия А. Н. Петровой — еще один шаг к достижению заветной цели: управлению процессами жизнедеятельности организма.

...На столе перед Анной Николаевной лежит лабораторный дневник. Запись: опыт № 398. Работа по изучению ферментов продолжается.

И. ПОЛОНСКИЙ,
Б. ЛАНИН

Фото Г. Санько.

Загадка, проблема, открытие, факт

ПЕРВАЯ МЕДАЛЬ

Улица, на которой стоит родильный дом № 26 Краснопресненского района Москвы, носит название Сосновой. Здесь база ЦИУ — Центрального института усовершенствования врачей. Сюда из всех городов Советского Союза съезжаются акушеры и гинекологи, чтобы ознакомиться с новыми методами, научиться пользоваться современнейшей аппаратурой, созданной в научно - исследовательских институтах страны.

— Это ультразвуковой прибор,— объясняет ординатор, показывая на аппарат с экраном и горизонтально установленной трубой,— мы пользуемся им в тех случаях, когда нас не удовлетворяют обычные методы исследований. Как узнать, например, что родится — двойня или тройня? Рентгеновские лучи могут причинить вред плоду. Сотрудники Всесоюзного института медицинского инструментария и оборудования создали ультразвуковой аппарат, который позволит увидеть невидимое. Этот прибор поможет врачам определить и положение плода.

Роды, операции... Главный врач Георгий Георгиевич Церцвадзе знакомит нас с опытным экземпляром тромбоэластографа — прибора, помогающего быстро определить свертываемость крови, созданного в ленинградском филиале Всесоюзного института медицинского инструментария и оборудования. В процессе работы тромбоэластографа врач может мгновенно поставить диагноз заболеванию крови.

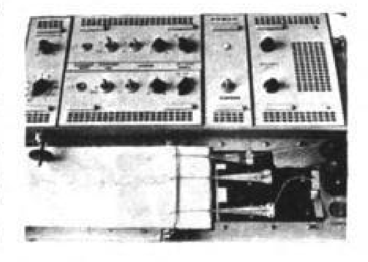
Подготовка к операции заканчивается. Хирурги моют руки. Как правило, это занимает не менее 15—20 минут. Сначала их трут намыленной щеткой, затем моют поочередно раствором нашатырного спирта, осушают стерильной салфеткой, затем протирают спиртом. И вдруг одно лишь мыло!

— Это гексахлорафеновое мыло,— объяснил мне главный врач.— Его приготовляет наша аптека. Стоит вымыть им руки, чтобы быть уверенным в полной стерильности...

И, наконец, в нарядно убранное помещение входит сестра, чтобы сдать с рук на руки родителям аккуратный сверток с новорожденным. В «выписной» мы увидели медаль с красным тюльпаном и словом «Москва». На оборотной стороне выгравированы имя и фамилия новорожденного, дата его появления на свет.

— Первая медаль! В счет будущих наград,— шутливо заметил главный врач.

Генриетта АЛОВА

ИЗ ПОЛЯРНЫХ ШИРОТ

Тысячи радиосигналов со всех концов планеты несут сводку погоды. И среди них немало голосов дрейфующих автоматических станций, работающих в чрезвычайно тяжелых климатических условиях. Поэтому там особенно важна надежность приборов.

Новая конструкция, принадлежащая ленинградскому изобретателю Ю. К. Алексееву, значительно повышает надежность работы радиометеорологов. Гальванические сухие элементы и часовой механизм, включающий станцию в действие, наиболее чувствительные к температурным колебаниям, заключены в специальный герметический контейнер. Контейнер помещают подо льдом в воде, тем самым надежно защищая его от низких температур воздуха. От солнечных излучений станцию укрывает противорадиационный экран. Специальная система крепления предотвращает повреждения станции, даже если льдина треснет.

Эксплуатация новых радиометеорологических станций показала их значительные преимущества по сравнению с ныне используемыми автоматами.

ТРАУЛЕРОМ УПРАВЛЯЕТ РОБОТ

Изобретение старшего мастера по навигационным приборам Эстонского государственного морского пароходства Михаила Антоновича Синицкого открывает новые интересные возможности оснащения малотоннажного флота автоматическим управлением. Авторулевой, созданный изобретателем, мал по габаритам. Скоро он станет надежным помощником капитанов и штурманов рыболовецких траулеров, сейнеров — всего малотоннажного флота, где до последнего времени у руля бессменно несли свою вахту моряки.

МЕД И МОЛОЧКО

Научные сотрудники Болгарского института питания разработали технологию получения сорта меда с добавкой пчелиного молочка. Новый продукт способствует улучшению аппетита и сна, положительно влияет на нервную систему.

Сейчас в институте идут работы над созданием особого сорта меда с добавлением цветочной пыльцы.

АТЛАСНЫЙ БАШМАЧОК БАЛЕРИНЫ

Обувь балерины — это не просто изящные атласные туфельки, она должна защищать ноги от растяжений и других травм, правильно распределять тяжесть тела на все пальцы ног. Добиться этого можно только в том случае, если при изготовлении учитываются анатомо-физиологические особенности стопы. Должны приниматься во внимание и нагрузки, воздействующие на обувь. Всеми этими качествами обладают туфли, созданные ленинградским врачом-изобретателем Э. В. Бойцовой. Изготавливаются они по индивидуальным колодкам, повторяющим строение стопы балерины.

Несколько пар новой балетной обуви было передано в Ленинградское хореографическое училище имени профессора Вагановой, где после испытаний они получили самые высокие отзывы.

ФОТОПУТЕШЕСТВИЕ К ДРУЗЬЯМ

ВЕНГРИЯ

Елена ТУМАРКИНА,

специальный корреспондент «Огонька»

Первые вестники весны.

4 апреля — День освобождения Венгрии от фашистских захватчиков

Фото Иштвана Котроцо и МТИ.

БУДАПЕШТСКАЯ ВЕСНА

В Будапеште будет новый метрополитен!

За витринами цветочных магазинов буйствуют краски: белые, красные и розовые гвоздики соседствуют с томными тюльпанами пастельных тонов, надменными, горделивыми нарциссами, с зеленью аспарагусов. Прохожие невольно замедляют шаги у витрин, заходят в магазин и появляются на улице с яркими букетами в руках.

Дунай освободился ото льда, открылось судоходство. Сотни будапештцев высыпали на набережную посмотреть на теплоходы, баржи, погреться в ласковых лучах весеннего солнца.

С первого февраля снижены цены на готовую одежду, ткани и некоторые другие промышленные товары. В среднем на тридцать процентов.

«Теперь вы можете одеться дешевле!» — зазывают плакаты крупных универмагов и маленьких магазинчиков.

В Будапеште строят метро. Старая подземка не может справиться со своими обязанностями. Чтобы решить транспортную проблему, ставшую неистощимой темой для газетчиков и карикатуристов, решено построить новые линии. Для этого пришлось разрыть Керут — главную магистраль столицы. Шоферы вынуждены проявлять чудеса ловкости и сообразительности, почти каждый день меняя маршрут, чтобы добраться до нужного места. Целыми днями не иссякает толпа любопытных, наблюдающих внимательно и сосредоточенно даже за самыми простейшими работами.

Легкая промышленность Венгрии хорошо подготовилась к весне. Недавно в Музее промышленного искусства, где была открыта выставка «Моды за 300 лет», проходил показ мод нынешнего сезона. Показ пользовался большим успехом у жителей столицы. Новые удобные, элегантные пальто, платья, костюмы уже можно видеть на витринах и на прилавках магазинов.

В художественной галерее «Мючарнок» была развернута пятая выставка прикладного искусства. Там можно было увидеть мебель, настенные украшения, керамику, посуду, текстиль. В выставке приняли участие и художники-профессионалы и учащиеся Высшей школы прикладного искусства.

Многие предприятия Венгрии ра-

Студенты после занятий.

ботают по заказам братских стран. На телефонном заводе в соответствии с рекомендациями СЭВ изготовляется новое оборудование для связи. Продукция этого завода идет в Советский Союз, Польшу, Чехословакию, ДРВ, на Кубу. В лаборатории завода имени Белояннисa изготовлен телефонный узел новой конструкции. Специалисты из стран-заказчиков осмотрели его и остались очень довольны. В будущем году начнется серийное производство таких узлов.

Столичные театры порадовали будапештцев многими весенними премьерами. С успехом идет на сцене театра имени Аттилы Йожефа пьеса, поставленная по роману А. Беркеши «Двадцатилетние». Особый интерес проявляет к нему молодежь, которой и посвящается пьеса. Поставлено несколько зарубежных спектаклей: нашумевшая пьеса Хоххута «Наместник», которая, как известно, была запрещена в Риме папой, и пьеса Петера Вейсса «Смерть Марата».

Есть новости и в литературной жизни. Читатели с нетерпением ожидают выхода в свет нового романа «Предатель» Ференца Шанты, автора книги и фильма «20 часов», который получил первую премию на Московском кинофестивале 1965 года. С таким же нетерпением ждут и книги другого талантливого писателя, Эндрэ Фейеша, чей роман «Кладбище ржавого лома» вызвал несколько лет назад много горячих дискуссий.

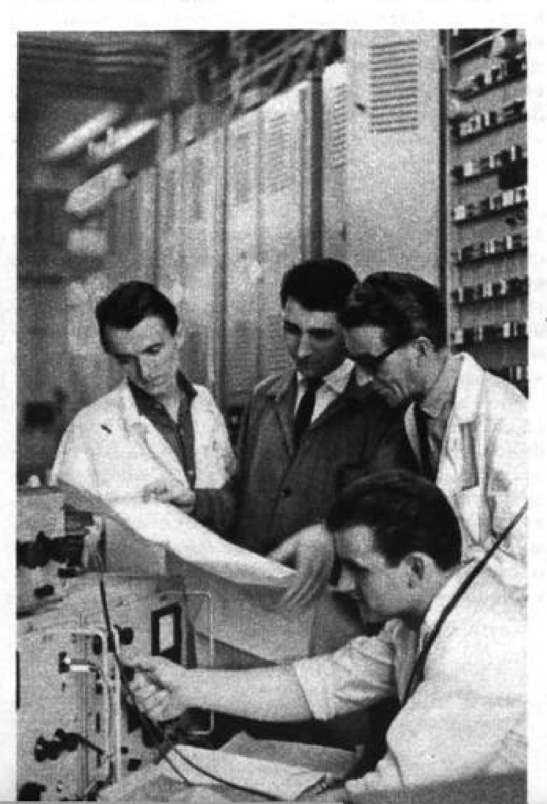
Время близится к вечеру. Все больше людей заполняет маленькие кафе и эспрессо. Сюда заходят запросто поболтать с друзьями, выпить чашечку кофе, посидеть за бокалом вина. Тут назначаются свидания, происходят деловые встречи, тут отдыхают, и тут работают.

Загораются неоновые огни витрин, вспыхивают уличные фонари. Купается в огнях перекинутый через Дунай красавец мост Эржебет. Из разрушенных во время войны мостов он последним был восстановлен в прошлом году и сразу покорил сердца будапештцев, стал их гордостью.

Через мост Эржебет можно проехать к статуе Свободы на горе Геллерт. Она наиболее полно символизирует собой весну и свободу, двадцать один год назад принесенные в страну советскими солдатами. Это памятник вечной дружбы между венгерским и советским народами.

Многого добилась страна за эти годы. Венгрия уверенно смотрит в будущее, растет, хорошеет, мужает. И в день национального праздника страны хочется пожелать ее народу больших успехов и счастья!

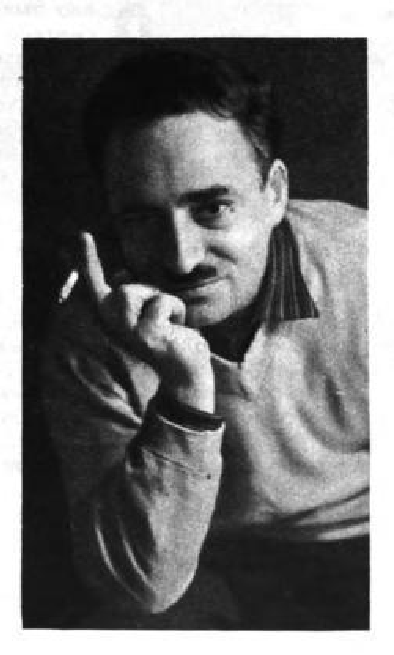
Рождение мастерства.

Это оборудование идет на экспорт.

Цены снижены.

Писатель Ференц Шанта.

Зина

Сергей ЗАЛЫГИН

жара, от духоты и запахов мысли не запали больные, не по возрасту страшные, не утомили бы их на всю жизнь. Они будто уже ни ее, ни друг друга не узнавали, Наташка с Петрунькой.

Но самое тяжкое было ей с грудным младенцем.

Ниночке как раз исполнилось два месяца, а жизнь с нею рядом и ради нее прожита длинная-длинная, а до нее — совсем будто бы короткая. До нее — вдруг казалось — не было ничего. Ни ее самой, ни Ефрема, ни того, от чего дети рождаются. Ничего! Рождалась Ниночка легко — куда легче, чем старшие двое... Родилась и будто удивилась сама, что и в войну люди тоже родятся, а потом все дремала, не то чтобы улыбаясь, а губки складывала во сне беззаботным цветочком. Пососет грудь и в один миг отпадет прочь, ручонки размечет в стороны и объясняет матери что-то о себе.

Объясняет — ей много не надо, она вырастет обязательно, какая бы ни была война, какая бы ни была у матери судьба! Такие исходили от нее бессловесные слова.

А матери страшно: обманет жизнь ребенка! До того страшно, что и глаза застилались темнотой, поперек груди что-то жесткое становилось.

Не надо бы верить, будто ребенок что-то объясняет тебе, что-то знает, чего и ты не знаешь, во что-то верит, не надо бы его слушать, предаваться ему до конца, забывая себя и все вокруг себя...

Но почему же это люди — то ли по своей злобе, то ли по жалкой своей слабости — сначала рождают, а уже после думают, спрашивают себя, будет рожденное жить или не будет. Человеком станет или ничем?

Рисунки С. БРОДСКОГО.

Сено было недавно в стог сметано — трава в нем еще зеленая, еще дышала влагой. Живая была трава, хотя к осени уже клонилось время.

И стог, как живой, покряхтывал, кособочился на одну сторону, собирался, никак не мог собраться с места стронуться.

В глубине этого стога, во тьме, и ютилась Зина с ребятишками. Тяжко было там, в тумане.

Настоян был крепко туман этот на множестве разных трав... То колючий, жесткий жабрей першил в горле; то церковный запах вовсе маленькой богородской травки появлялся — ладан и ладан поповский; то лекарствами тянуло отовсюду; то бабьей ворожбой... Бабы в травку эту до отчаянности верят, секретно кладут ее под самую большую подушку и после думают: мужик уже до самой смерти приворожен. Мужик уйдет с дальним обозом или служит военную службу и гуляет там с другой и гуляет, а баба верит ему и верит.

Сколько запахов этих, сколько с ними вместе солнца, неба, земли вошло в пищу человеческую и в питьевую прохладную воду, в избы, в семьи, в любовь и в разлуку, в материнство и в отцовство, в трезвые и в хмельные песни, во всю человеческую жизнь, но тут слишком уж много было всего этого, душила чрезмерная сила, в испарину бросала, давила сердце.

Казалось, еще немного, и ты вовсе растаешь в дурмане, кто-то другой, бог знает кто, придет сюда, но тебя уже не увидит, не услышит, не узнает, только вдохнет тебя, и вот так же закружится у него голова, будто с хмельного. Замутится сознание, и потянет его к забывчивому сну... И он скажет робко и негромко, успокоенный навеки: «Чую прах чей-то... И жизнь чью-то...» После уснет.

Вот как ей чудилось в полдень, в жару, Зине Мещеряковой, когда все травинки в глубине стога потными становились, когда она глядела на ребятишек, лежавших с нею рядом.

Она на них глядела, боялась, как бы в головенки ихние, детские, неокрепшие, от этого

И удивительно, из такого красного, потного, из такого беспомощного человек должен был вырасти. Женщина. Со своей судьбой она будет и своих детей будет родить!.. И еще удивительнее, еще немыслимее было бы, если бы Зина на руках держала и грудью кормила что-то другое, чему человеком стать не суждено...

Как узнать?

Дышала Ниночка тяжело, вдруг прихрапывала иногда. Сердечко билось у нее часто-часто. Господи, какое там сердечко, с ее же кулачок? А уже навалилась на него тяжесть неимоверная: и стог этот навалился, и солнце через стог всем своим жаром ее душило, и война, и еще материнская вина, должно быть, на сердечке этом лежала.

— Спаси меня, Ниночка! — шептала Зина, когда от этой вины уже не было ей исхода.— Виновата я: родила, привела тебя на этот свет, в стог в этот! Может, даже не я виновата, не знаю, кто! А если и я,— спаси и меня, помилуй, не умирай! Дыши, не дай сердечку своему успокоиться. После упрекай меня, после я рабой твоей буду на веки вечные, а сейчас умрешь — я жизни не выдержу, я всех про-

---

Из романа «Соленая Падь». Роман посвящен событиям гражданской войны в Западной Сибири.

кляну: и себя, и Ефрема, и живых детей своих, и господа бога! Спаси, бога ради, в последний раз! Клянусь я тебе: никогда не приведу больше тебя к гибели, к этому краю мрачному, давным-давно тоже проклятому!

Спаси в последний раз!..

А ведь она и в самом деле, Ниночка, спасла уже ее. И не одну — вместе с Ефремом. И не один раз, а дважды...

В первый раз весной ранней. Зина была еще беременна, и застигли их с Ефремом колчаки в деревне Боровлянке.

Узнали, что Ефрем в той деревне скрывается, доказал кто-то, и начали они по избам подряд шарить. Тогда бросил Ефрем в сани мешки с зерном и сам лег между ними, а сверху все это накрыли рядном, на рядно села Зинаида, погнала кобылу.

На выезде из села остановили ее колчаки.

И когда остановили, выпятила Зинаида брюхо вперед и замахнулась кнутом на колчаков.

— Ироды треклятые!— завопила она отчаянно.— Ребятишек делать, так мастера вы, а ростить — нету вас! Некогда вам — войной заниматься надо! Мешки ворочать, по лывам, по глызам брюхатой бабе на мельницу ехать —и то спокою не даете! Подставляйте рожи-то, я по зенкам бесстыжим кнутом-от секну, от слепых от вас сраму на земле меньше будет!

Колчаки отшатнулись. Она стегнула кобылу, а после еще долго оглядывалась, и плакала, и кричала колчакам, что и они бросили своих баб и ребятишек и слоняются по степи, ровно бездомные кобели. И кобылу настегивала, старую уже, надорванную кобылу, и еще угадывала хлестнуть по рядну, под которым Ефрем хоронился...

Въехали в лес. Ефрем выбросил молча зерно в снег, вожжи взял и еще погнал кобылу. Остались они тот раз живые.

И почти такой же был случай летом, когда кормила она Ниночку грудью, сидя на телеге, а под сеном, под охапкой, опять хоронился Ефрем...

Но сколько же можно судьбу испытывать?

Сколько можно мужику воевать с револьвером и с шашкой, а спасаться за дитем вовсе малым, за своим же младенцем?

Сколько можно и матери так вот уберегаться и мужа уберегать, отца детей своих?

И не подлость ли, не низость ли, что хватает у нее совести на это? Зверь гибнет, а детенышей своих куда бы подальше в нору или в кусты прячет, зверю детьми своими от смерти отгораживаться не дано. А люди? Рубят и убивают друг друга, и жалости нет в них ничуть, а когда жизнь вымаливают — вымаливают ее ради детей, и даже бывает: несут дите впереди себя на руках, защищаются крохотным его тельцем!

— Я вину с себя не сниму сроду, дите мое!— шептала Зина во тьме.— Я за всех баб, за всех мужиков грех на себя приму и на колени перед тобой становлюсь, обливаю тебя слезами!

И становилась Зина на колени, плакала молча и долго в черном и душном логовище своем. И обещала вцепиться обеими руками в Ефрема, чтобы не воевал он больше, чтобы не стрелял ни в кого и в него чтобы никто не стрелял...

В отчаянии шептала Ниночке обещание, а ведь знала: не сделает этого! Может, даже она и могла Ефрему его военную жизнь до конца испортить, черной ее сделать, чтобы остались в этой жизни для него кровь и мучения, а больше ничего.

Упрекала бы его каждый день кровью этой, грозилась руки на себя наложить, ребятишек в чужую подворотню бросить... Проклинала бы его ежечасно именем тех, кого убил он в этой войне.

И он от войны ушел бы. Все может быть, ушел бы.

Но ведь и от нее самой тоже отшатнулся бы навсегда? Про нее бы забыл в тот же час, как прошлогодний какой-то день забывают?! И еще отшатнулся бы от самого себя.

Она его знала, Ефрема. Она-то ничего, ни одной малости о нем никогда не могла забыть. Девкой шла за него замуж — уже тогда про него знала все. Не обманывала себя, объясняла себе, что придется прощать ему, прощать и прощать без конца, всю жизнь, потому что нет ничего, что она простить ему не смогла бы. Все девки выходят замуж, а она не вышла, нет... Она в свое замужество ушла, в нем потерялась...

Еще когда Ефрем был парнем неженатым, он всех девок пугал, они все его боялись до смерти.

Ужас был перед ним, а в то же время как бы приятный. Особенный ужас.

Если девку кто из парней обижал на игрищах — то ли за косу сильно дергал, то ли, вроде шутя, обнимал, а после не давал ей из рук своих вырваться,— ей только крикнуть: «Ефремка! Заступись, бога ради!» — и Ефрем уже тут.

К обидчику подошел, молча с правой, с левой — раз! два!— весело так по морде стукнул, повернулся и пошел.

Если тот побитый парень не шибко гордый, дело между ними на том и кончится. Ефрем сам о таком случае никогда больше не вспомнит и другому вспомнить, дразниться не даст.

Когда же парень простить не хотел, давал сдачи, так должен был знать, что тут уже не только на кулаках, но и на батожках придется мериться, что за Ефремом пойдет весь Курейский край деревни и что пусть год пройдет, а встретится он где-нибудь один на один с Ефремом, и тот не забудет к нему еще раз руками приложиться. И девки этот порядок знали: если уже кто вступал с Ефремкой в драку, так они с визгом разбегались по домам, конец наступал вечерке.

Но таких мало находилось охотников — с Ефремкой Мещеряковым связываться, и девки только шепотком предупреждали парней: «Отпусти! Не то вон сейчас Ефремку и крикну!» А Ефремка стоял всего чаще в стороне, глядел на игрища, улыбался чему-то и одну за другой свертывал цигарки.

Любили девки его защиту, любили за спиной его перед ухажерами своими покуражиться: так ее не тронь, этак не задень.

Но зато если уж Ефремка тоже вступал в игру и догонял какую из них, хватал ее железными своими руками, так уж мял, сколько хотел, и обнимал тоже, покуда не надоест.

И не то чтобы это со зла какого, просто так: он девок защищал, они от него и потерпеть должны были. И тут жаловаться некому было, тут парни над девкой издевались, ржали в голос: «Попалась! Терпи нынче, милашка!» А что ей и остается, девке? И в самом деле — терпеть да повизгивать.

Чувствовали девки, что с парнем этим шутки плохи. Вдруг отведет какую из них в сторону и скажет, что любит,— и уйти от него будет не просто. Если же пойдет кто за него замуж, так сколько же хватит горя? А сколько выпадет с ним счастья?

Был Ефрем парнем не то чтобы красивым и видным, но железные его руки, отчаянность его и смелость, голубые большие и вроде вовсе детские глаза счастье обещали.

Не простое, далеко не каждой доступное, но счастье. Только, может, среди них и не было ни одной, которой оно доступно, это счастье?

И глядели девки на Ефрема издали, а когда глядели вблизи, воротили взгляд куда-то в сторону. Даже пожилые бабы, замужние и детные, и те его вроде стеснялись, замолкали, когда проходил он мимо улицей, и только вслед ему и вовсе тихо говорили меж собой:

— У-у-у-у-у, глазища-то! Чисто варнак... Азартная девка за такого пойдет.

Пошла за такого Зина.

И когда пошла и справили свадьбу, девки, недавние ее подруги, на нее стали глядеть с тем же страхом, с которым до тех пор глядели на Ефрема, а бабы, особенно любопытные, спрашивали будто ненароком, но не раз:

— Ну, как с таким-то? Страшно? Либо...— И сами, верно, не знали, что «либо».

Зинаида же и раньше знала за собой отчаянность, всегда ее чувствовала, а тут она не глядела даже, что баба вдвое, а то, может, и втрое ее старше, в матери ей годится, отвечала по-шальному, на «ты».

— Попробуй схлопочи такого же! Сама и узнаешь!

Это, наверное, она потому отвечала так и ничуть не стыдилась, что никто ее о Ефреме, о жизни их семейной спрашивать не имел права. Никто! Хотя бы и мать родная!

Она не только мужиков в ту пору ненавидела, если они глаза на нее пялили, она бабам-то слова одного не могла о себе сказать. Боялась, что со словом вместе хоть самая малая капля ее счастья, хоть самая малая, а все-таки может исчезнуть навсегда.

И еще боялась обмолвиться, как трудно ей с Ефремом.

Дома он и день и другой весь ей принадлежал.

Что ни скажи, что ни заставь, все тотчас исполнит и улыбнется еще, и все захолонется в ней от этой улыбки. После оглянулась туда-сюда, а его уже и след простыл на огороде. И где он девался, где был и с кем, об этом не узнаешь. Спросишь, он удивится даже: «А какое твое бабье дело?»

И сиди бессонную ночь и страдай: откуда он вернется, когда и какой? С синяком ли под глазом, пьяный ли, в карты проигравшийся? Не спрашивай ни о чем, не упрекай, не то он снова повернется и уйдет снова либо тут же запряжет и молча уедет на пашню и живет там в избушке один, неведомо чем сыт, ворочает же работу за двоих добрых мужиков.

И только чего не допускал никогда Ефрем — это обидеть ее при народе. Может, сам по себе этого не хотел, может, догадывался, что уж слишком тяжело, нестерпимо было бы от этого Зине.

Собирались в масленицу либо в престол на большие игрища, так он одевался в новое, глядел, чтобы и она была одета чисто и красиво, и вдвоем шли они по улице. Шли — каждому было видно, какое Ефрем оказывает жене своей почтение.

Шли, а девки, глядя на них, замирали, ругали себя, думая, будто напрасно они в свое время Ефремку убоялись.

Приходили на площадь... Там холостые ребята да и мужики помоложе, а которые уже хмельные, так и старшие возрастом лапту гоняли; на высокий столб, маслом смазанный, карабкались, доставали с вершины самогонки четверть, боролись, подымали гири-двухпудовки. Против Ефрема в играх этих стоять было некому. А играл он и боролся весело, азартно, рисково боролся, но опять о жене не забывал.

А она лущила в то время подсолнухи с бабами, беседовала с ними о том, о другом, Ефрема будто и вовсе не замечала. После же кивнет ему, поманит его пальчиком — он в ту же секунду бросает свое занятие, подходит к ней узнать, что надобно.

И млеют вокруг Зины бабы, и девки тоже млеют от изумления и пялят на нее глупые свои глаза.

Объявили войну...

Она на выпасах была тот день, далеко от дома; бросилась на подводу чью-то попутную, а когда бежала по деревне улицей, в каждой избе баба в голос ревела и причитала, и мужики ходили угрюмые либо пьяные. Успели уже.

Зинаида бежала со всех ног и думала, что ведь Ефрем и глазом не моргнет, что страха в нем нет и не может быть ни перед чем, но неужели за нее-то он не испугается нынче, за ребятишек ихних, в то время малых совсем, неужели не дрогнет у него сердце перед разлукой? Ведь жена она ему, мать его детей и ему самому тоже не раз и не два была матерью, когда увещевала его и прощала ему?!. Неужели уйдет и не заметит, как она страдает за него, не поймет, как страдать будет? Уйдет веселый и бесстрашный?

Ей бы не об этом думать в тот час, в те минуты, не о себе думать, только о нем, о нем одном, но она не могла по-другому.

Вбежала в избу... Ефрем уже в котомку свои пожитки укладывал, уже почти что доверху котомка полная была.

— Ефрем?! — спросила она с порога, задыхаясь.— А если убьют тебя? Я-то как же тогда?

— Всех не убьют!

— Всех не убьют, а тебя одного?!

— Бабий расчет...

Тогда она кинулась к нему в ноги, за колени его обхватила и взвыла, запричитала: пусть узнает наконец, что и она баба как баба, что и она слезами полна.

Ефрем сильно удивился. И даже замешкался как-то, затоптался на месте: она ведь ни разу до того не высказала ему обиды какой, страха за него, ревности и каждую свою слезу улыбкой к нему обращала.

Но тут уже не было у нее сил через слезы ему улыбаться, она ревела дико, она все хотела выплакать, все выкрикнуть, за все хотела убояться, что с ним на войне этой проклятой могло произойти.

И чем громче она вопила, тем крепче головой прижималась к ногам его, тем страшнее становилось ей за себя, за него, за ребятишек их... Что, если он и тут ее не поднимет с полу, не успокоит, не скажет доброго слова? Не сделает этого, а на нее же и прикрикнет: почему нету у нее ласки? Почему невеселая, почему баба глупая, крикливая? Что ей тогда останется? Кого проклинать? Его? Себя? И его, и себя, и всю жизнь вокруг себя?

Тот раз он поднял ее с полу. И на койку положил, сходил в ледник, принес квасу холодного и на голову холодную же примочку положил.

Сидел подле нее в горнице, думал о чем-то, молчаливо и долго думал. И тем его молчанием она и жила целые годы, покуда он воевал. Помнила молчание это и в разлуке переживала его едва ли не каждый день снова и снова.

И сейчас — подумать только — переживала опять, хоронясь в жарком, дурманном стогу. После спрашивала себя: а добьются ли мужики хотя бы и через эту страшную войну жизни той, настоящей? Смогут ли? Теперь уже остановить их нельзя и сами они не остановятся, теперь сколько будет крови, уже никто не считает, а слезы бабьи топчут — не видят, что топчут.

Удастся ли? Победят ли врага?

Послышалось: кони где-то невдалеке топочут.

Кто? Свои за ней приехали, взять ее отсюда, как обещались?

Когда уходили от погони, в стог в этот спешно ее спрятали и только прочь ускакали — выстрелы в той же стороне слышались. Теперь, может, за убитыми своими приехали, не успели тот раз убитых подобрать, увезти с собой?!

Сорока кричала... С тех пор, как вместе с мужем Зина долгое время скрывалась, знала она, что сорока над человеком вьется, выдает его криком.

Ее выдает? Или тех, кто ее ищет?

Первый день, пока хоронилась здесь, Зина все-таки выходила иногда на воздух. И ночью выходила. Пеленочек не было, она с себя рубаху изорвала, ночью и стирала клочки эти в озерке.

Наташка с Петрунькой тоже в воду залезали, сидели тихо в воде, не баловались, не брызгались, чтобы каплями звону не сделать.

Неподалеку из озера торчали в небо полусгнившие оглобли колесного хода. Забросил здесь кто-то и когда-то этот ход. Когда солнце высоко и светит прямо в озеро, ход проглядывается на чистом песчаном дне, расплющенный, рядом со своей тоже кривой и вздрагивающей тенью.

Из этого озера в другое протока тянется... Вода в ней немая, голоса при любом ветре не подаст. Ни волны, ни плеска. Только что морщиться и умеет. И в небо раз в году, верно, глядится эта вода, а то все подо льдом или под тиной зеленой.

И Ниночку Зина окунала в озеро, легче становилось ребенку. После кормились они все. Без горячего кормились, хлеб оставлен ей был, масло топленое в туеске, лук зеленый и соль. Был спичек непочатый коробок, но огонь Зина боялась разжечь.

Все думала о жизни, о людях...

Все спрашивала у кого-то: победят ли нынче люди вековечное зло? Белых победят ли?

* * *

В этот раз сорока неведомо почему кричала. Сколько ни вслушивалась Зина из стога своего, там, на воле, ветерок только шумел озерным камышом, больше ничего.

Ни колесного стука, ни конского топота, ни человечьего голоса ни в степи, ни в ближних колках. Ни людей, ни войны.

Зине подумалось: вот про какую тишину говорят, что она мертвая. Вот дышать сей час перестанешь, детишки перестанут тоже—и тоже в эту же тишину тотчас они все обратятся...

А утром только забылась после бессонной, тяжелой ночи, вдруг голос знакомый...

Обычный такой голос — кто-то кого-то спрашивает о пустяке, с ленцой, нехотя и спрашивает:

— Энтот, чо ли, стог-то?

— Не-ет...— позевнув, ответил ему другой голос...— Нет, не энтот. Вон тот однако...

Кто спрашивал, Зина не угадала, а кто ответил, тот голос и был знакомый — Гришки Лыткина голос, Ефремова ординарца.

И она взревела из стога:

— Гри-и-шенька! Здесь я, здесь мы все!

И услыхала и топот конский, и голоса, и перестук колес по неезженой, хотя и мягкой почве. «С тарантасом приехали!»—догадалась она. Не забыл же все-таки Ефрем тарантас прислать, и не верхом с Ниночкой на руках

придется ехать ей... Обрадовалась страшно. Не Гришке Лыткину, не людям, которые за ней приехали,— тарантасу обрадовалась!

А он и в самом деле был не простой, не просто коробок плетеный, а возок настоящий, городской: с крытым верхом, на рессорах. В пару запряженный. Барский.

Когда ехала, не спрашивала ни о чем. Раз такой возок прислал за ней Ефрем, значит, жив, здоров, дела у него идут. Когда шли бы у него тяжелые бои либо отступали бы партизаны, так и недосуг было бы о ней вот так позаботиться, прислали бы заседланного коня, чтобы вырвать ее отсюда, как-никак спасти да еще и в другое место снова спрятать.

Ехали сперва степью, после ленточным бором, лесной песчаной дорогой.

День и не очень жаркий был, приостыло как будто бы солнце, выпустив Зину с ребятишками из стога, но смолой все равно пахло так густо, что казалось, сосны все — от черного комля до золотистой, почти прозрачной вершинки — исходили смолой.

На ветвях, туда и сюда пересекая дорогу, висела паутина — тонкая, яркая, будто тоже из смолы сотканная. От солнца смоляные эти нити отбились, к земле не пристали, пристали к мохнатым зеленым лапам.

Дрожат, шевелятся слегка, то блеснут и ослепят, то вдруг вмиг как-то потускнеют, и нету их.

Еще множество пестрых ос жужжало в бору, как раз над дорогой они вились. Другие так на одном-единственном месте летят, крылышками быстро-быстро махают, так что и не видно крылышек их, а только полосатое длинное тельце вздрагивает и покачивается чуть вверх, чуть вниз, словно на невидимой паутинке, словно привороженное чем-то.

Иные осы, отпрянув из-под самой лошадиной морды вбок, продолжают также гудеть, также летать на месте, иных заденет полосатой дугой с двумя колечками для колокольцев — они будто не чуют и этого, гудят и гудят, качаются в воздухе...

Боровая дорога нелегкая — песчаная, сыпучая. Песок темно-желтый, крупный, под колесами скрипит, словно мельничные жернова, вот-вот только с места тронулись, не разогнались еще на полный ход, только еще набирают скорость, чтобы загудеть, засвистеть, запылить тонкой и пряной мукой свежего помола.

Но тут и не разгонишься по такой дороге, не запылишь, лошади в пене, а возок по-утиному переваливается, оглянешься назад, а колеи не видно, песок ни следа конского, ни колесного не терпит — тотчас засыпает любую ямку.

Конная охрана из Ефремовых эскадронов ехала не дорогой, а сторонами справа и слева, огибая деревья, то скрываясь совсем из глаз, то отставая, то опережая возок.

В лесу песок был покрыт слоем лежалой, выцветшей хвои, множеством мелких валежных веточек, тоже выцветших, похрустывающих под копытами.

Зина все примечала, и все казалось ей, будто из тюрьмы, из ада кромешного она на волю вышла. И потому еще все приметным ей таким казалось вокруг, таким ярким, веселым, что и Ниночке на свежем воздухе полегчало. Дышать младенец стал ровно, по-человечьи, и даже будто бы улыбка появилась на крохотном личике.

Может, улыбка только показалась матери, а вот губки Ниночка сложила своим обыкновенным, но таким красивым, таким нежным цветочком — это уж было верно! А потом Ниночка и глазки открыла. Голубые. Отцовские. Стала ими куда-то вверх глядеть. Мечтать о чем-то...

И мать тоже стала мечтать... О том, как с Ефремом встретится и заревет в голос. Выплачется вся, освободится от страха, который хотя и отпустил ее нынче, но пережит-то был, забыться не мог...

Выплачется на плече у него, и легко ей совсем станет, и пойдет она снова за ним по степи, по войне, по жизни, какой бы жизнь эта ни была. И пойдет, и пойдет...

А то бросится к нему молча и ни слова одного, ни одной слезы не проронит. И так может случиться. Думала по-разному о встрече этой, теперь уже скорой и неизбежной, сколько раз начинала думать снова и снова, все, что только могло быть, все себе представила. Не догадалась только об одном. Не догадалась, что встретиться могут они вовсе не один на один, а на людях, что люди эти тысячью глаз будут глядеть в тот миг на нее, на Ефрема, на ребятишек их. С любопытством будут глядеть, с настойчивостью и даже с боязнью какой-то хоть что-нибудь не заметить, пропустить в этой встрече.

Вот о чем она не подумала.

Ей представлялось, они только двое будут с Ефремом при этом, даже Петрунька с Наташкой и те куда-то сгинут на время, даже Ниночка не запросится к ней на руки, и будут руки у нее свободны, чтобы Ефрему их протянуть, обнять его...

Но вот вышла из бора дорога, вышла в открытую степь и уже в виду Соленой Пади, а в степи народу было страшно много. Вся человечья была степь — голосистая, шумная.

Народ убирал в степи хлеб и тут же, по свежей еще стерне, копал окопы.

Косили хлеб артельно, должно быть, всем селом от мала до велика, косили литовками, и самосбросками, и лобогрейками, вязали в снопы, грузили снопы на пароконные подводы и везли, везли их бесконечными обозами, а по убранной пашне прокладывали линию окопов, полукруглую, уходящую куда-то вдаль, за березовые, уже прихваченные первой желтизной колки.

И поняла тотчас Зина: на этом вот месте, на всем этом пространстве готовится народ к жестокому сражению с белым войском. И еще поняла: где-то тут, среди всей этой массы народа, должен быть и Ефрем. Больше ему негде быть, только здесь.

На возок рессорный, на конную охрану, на Гришку Лыткина, ехавшего передом,— на все это встречный народ стал глядеть, не спуская глаз. Примолк даже.

А Зина в возке сидела, глаз не подымала, только Ниночку крепче прижала к себе да Наташке с Петрунькой шептала, чтобы не зыркали бы по сторонам, сидели бы тихо и спокойно.

Сама же только искоса бросала взгляды на Гришку Лыткина — не кто, как Лыткин, должен был первым главнокомандующего увидеть, сигнал подать.

И верно, проехали открытым местом, степью полверсты, не больше, как Лыткин закричал:

— Товарищ главнокомандующий! Вот где вы есть! Так что в точности приказание ваше, товарищ главнокомандующий, выполнено и супруга с детками в целостности доставлены к месту!

Весело прокричал все это Гришка Лыткин и ужасно громко — сколько народу было вокруг, все услышали его слова, все стали глядеть на Зину еще зорче, чем до того глядели.

И не только на нее на одну — многие обернулись куда-то в сторону, и Зина сразу же поняла, что в той стороне Ефрем.

Он там и был среди других людей, в той стороне, Ефрем Николаевич Мещеряков, главнокомандующий партизанской армией.

Оттуда к ней и подошел.

Петрунька завопил: «Ба-а-а-атя-а!» — и с возка свалился отцу навстречу. Наташка взвизгнула, кинулась за Петрунькой, но платьишком оделась прямо на приступку возка и расползовала платьишко надвое. Покраснела вся, застыдилась и, подбирая на себе обе половинки, полезла в возок обратно. Слезы покатились у нее по щекам, и лицо жалобное стало такое, что, взглянув на нее, Зина и о себе подумала: «Верно, и я нынче такая же? Может, и по мне слезы текут уже? При людях-то?!.»

И, тотчас вздохнув всей грудью, набравшись сил, она сделалась серьезной и спокойно глянула в лицо Ефрема.

Ефрем был в серой своей мерлушковой папахе, хотя и слишком теплым казался этот головной убор в нынешний погожий день... Пот катился у Ефрема на лоб, которые капельки закатывались в глазницы, одна-две—те на ресничках повисли, через них и глядел он строго-строго на Зину.

Боялся, что не выдержит она, бросится к нему при народе, заплачет от радости либо еще отчего. Или слишком зажалуется ему на свою судьбу, или слишком уже счастливо на него поглядит, еще что-нибудь сделает слишком...

А еще на Ефреме была кожаная курточка и хромовые сапоги.

Он к возку подошел совсем близко, запустил пальцы в растрепанные волосы Петрунькиной головы, другой рукой приласкал Наташку и сказал:

— Здравствуй, Зинаида!

— Здравствуй, Ефрем...— ответила она тихо.

— Живые вы? Все?

— Все, слава богу...

— Ну и хорошо...

— Хорошо...— кивнула она.

Ефрем потоптался о землю хромовыми сапогами, скинул на миг папаху и смахнул рукою пот со лба. Уверился, что Зина ничего слишком не сделает, и стал ей объяснять:

— Значит, так: жить будешь в доме Звягинцева Филиппа. Филиппа Ивановича. Отсюда и видать середь села его дом — вон стоит на бугру с долгим амбаром рядом. Вблизи от площади...— Обернулся к селу, протянул в ту дальнюю сторону руку, но тут же и сказал: — А чего тут рассматриваться-то? Сейчас приедешь, сама и увидишь квартиру. Лыткин! — неожиданно громко крикнул вдруг Ефрем, хотя вестовой его был с ним рядом, глаз не спускал с начальника своего, глазами его ел, не стеснялся.— Лыткин, где ты есть?

— Здесь я, товарищ главнокомандующий! — подскочив в седле, громко отозвался Лыткин.— Здесь я!

— Сопроводишь супругу мою до места! А всей остальной охране делать при ней больше нечего! Спешивайтесь, ребята, берите вот лопатки, копаться будем. Еще спасибо вам, ребята, что выручили бабу мою из беды! Спасибо! Ну, айда, Лыткин! Понужайте до хаты!

Народ вокруг стоял, слушал, глядел во все глаза. Зина спросила:

— Ну, а когда ты-то на квартиру явишься? — Спросила и покраснела вся.

— Явлюсь! — уже вовсе строго ответил ей Ефрем.— Управлюсь на позициях с делом и явлюсь.

— Я ведь так... Горячего, может, чего тебе сготовить бы...

— Горячего, конечно, можно... Мы с Григорием вот щей горячих уже сколько дён не хлебали. Это можно. А в общем, поезжай! Все понятно тебе? Поезжай!

Все ей было понятно, Зинаиде. Не в первый раз вселялась она в чужой дом со своими ребятишками, счет уже потерян был чужим домам.

И нынче знала она, что дом этот, Звягинцева Филиппа Ивановича, стоит на бугру, так что если белые станут обстреливать Соленую Падь, так она с ребятишками тут же под тот обстрел и попадет...

Знала, что нынче не одной ей Ефрем принадлежит — принадлежит он всей партизанской армии, всему народу, сколько было его вокруг.

Гришка Лыткин крикнул вознице погонять, подстроил своего коня сбоку от возка.

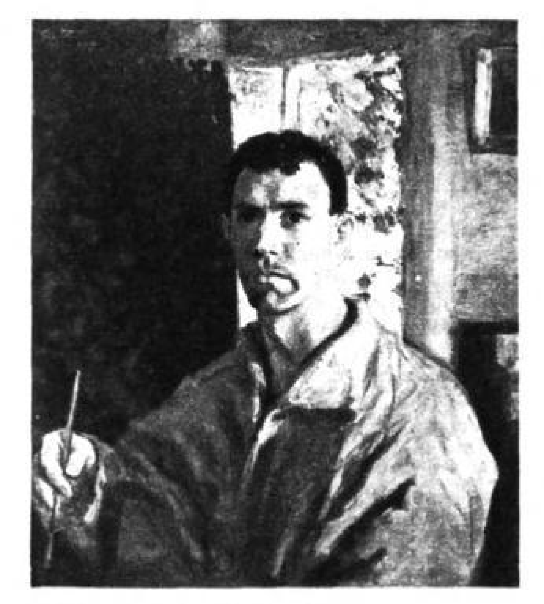
ПОД КРЫЛОМ САМОЛЕТА — СИБИРЬ

Любовь ВАГАНОВА

Лежит топографическая карта
под белым, серебрящимся крылом.
Лежит пространство северного края —
все в будущем, и все еще в былом.

Тайга, тайга на сотни километров —
зеленые и черные леса...
Снижаемся. Мелькает из-под веток
испуганная рыжая лиса.

Летят огни цепочкою к звезде.
На цыпочки привстали буровые.
Соперничая с ними в высоте,
бредут в снегах деревья вековые.

С. Герасимов. Автопортрет.

СЫН РОССИИ

Д. А. ШМАРИНОВ,
народный художник РСФСР

Более тридцати лет тому назад, в 1933 году, на художественной выставке, приуроченной к 15-летию Красной Армии, появилось полотно Сергея Герасимова «Клятва сибирских партизан». Оно поразило меня своим суровым драматизмом, душевным подъемом, напряженностью и своеобразием своего композиционного и колористического строя. В советское искусство зримо вошло произведение непреходящего значения.

Несколькими годами позже появилась другая выдающаяся работа художника — блистательная серия акварельных иллюстраций к поэме Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». До краев наполненные богатством и полнокровностью народных характеров, поэзией и широтой русской природы, листы «Кому на Руси жить хорошо» стали этапом в развитии русской и советской графики.

Героико-эпическая тема была близкой Сергею Васильевичу с самых первых шагов его в искусстве после революции. И далеко не случайно, что в дни празднования первой годовщины Октября здание бывшей московской городской думы (ныне Музей В. И. Ленина) было украшено панно работы С. Герасимова. «Хозяин земли» — так назвал художник могучую фигуру русского крестьянина.

Тема народа — хозяина земли прошла основным мотивом через все многообразное творчество Сергея Герасимова и получила завершение в полотне «За власть Советов», ставшем последней крупной работой мастера, итогом всей его творческой жизни.

Картина и цикл тончайших по цвету пейзажей последних лет под общим названием «Земля Русская» единодушно выдвинуты советской художественной общественностью на соискание Ленинской премии. Связь народной темы с лирико-поэтической темой Родины, нашедшей выражение в этих пейзажных циклах, является совершенно закономерной. Ибо эти два начала не спорили, а взаимно дополняли и обогащали друг друга. Все попытки расчленить на части единое во всех своих проявлениях творчество этого большого художника, сделать из него только пейзажиста либо иллюстратора или только мастера картины обречены на неудачу. Время по достоинству оценило все значение героико-эпической темы в творчестве С. Герасимова для развития советского изобразительного искусства.

Неповторим вклад живописца в сокровищницу русского пейзажа. Любой пейзаж — большой или малый, масло или акварель — это не фрагмент природы, взятый в упор, а мир, наполненный человеческими переживаниями, мыслями и чувствами. Его свободным, артистически написанным полотнам всегда присуща глубина поэтического обобщения, изысканность колористического решения, верность состоянию природы. Вспомните могучие ветлы на фоне можайского заречья, бесконечные просторы убранных полей под высоким вечерним небом, праздничную красочность кисловодских пленеров. Вспомните плотные, крепко построенные пейзажи Великого Новгорода, чудесные своей густой, теплой гаммой, драгоценные своей легкостью, пронизанные светом и воздухом. А холсты, выполненные во время зарубежных поездок в Грецию, Италию, Францию!

Я был свидетелем того, как неутомимо работал там Сергей Васильевич. Во Франции он просыпался раньше всех и каким-то чудом в самое короткое время делал зарисовку, этюд — акварелью или маслом. Он не любил их показывать, отговариваясь в своей обычной шутливой манере: «Ну стоит ли, профессор, говорить о таких пустяках?..» А ведь из этих быстрых, но на редкость цельных и верных набросков и родились величественные и задумчивые пейзажи Греции, густые и теплые венецианские этюды, серебристо-дымчатые картины Парижа.

Неутомимость и подвижность семидесятипятилетнего художника просто поражали. Помню, с какой легкостью взобрался он на высокие стены Римского цирка в Арле, чтобы полюбоваться оттуда разливом красных черепичных крыш древнего города на фоне полноводной Роны. Этот мотив он разработал впоследствии в прекрасной акварели.

В последней поездке Сергея Васильевича за рубеж для меня с особой силой открылась вся щедрость темперамента художника, его отзывчивость и восприимчивость, его внимание к людям, широта его интересов. Он начисто был лишен той распространенной профессиональной узости, когда за памятниками искусства художник перестает видеть народ, живой образ страны. Именно поэтому ему удалось создать так много прекрасных произведений на материале своих многочисленных поездок...

Цельность — вот самая примечательная черта характера Сергея Герасимова, человека и художника. Его жизнь — пример редкого гармонического сочетания личности художника и его искусства. Это был неповторимо самобытный русский характер, как будто бы впитавший в себя дух тех славных родных мест — Бородина, Можайска, с которыми он был связан всю свою жизнь. Но эта несгибаемая сила характера, широта ума, щедрость натуры сочетались у него с сердечностью, деликатностью, с нечасто встречаемой способностью понимать других.

Сергей Васильевич любил людей, но был резок и непримирим к приспособленцам, карьеристам, двурушникам и демагогам в искусстве. Он предъявлял к личности художника самые высокие морально-этические требования, будучи уверенным, что только на истинно идейной основе могут создаваться подлинные произведения живописи. Моральный авторитет его был непререкаем. Он отдавал себя искусству целиком, и люди тянулись к нему.

Сергей Васильевич был общественным деятелем по натуре. Он не мог существовать вне общего дела. Вот почему он отдал так много сил и драгоценного творческого времени Московскому союзу художников, а затем Союзу художников СССР, руководителем которого он был до последних дней своей жизни. Большой художник, он всегда гордился своей более чем полувековой педагогической работой, начатой еще в 1912 году в художественной школе для рабочих сытинской типографии, а впоследствии проходившей во Вхутеине, Вхутемасе, в Московском художественном институте и, наконец, в Московском художественно-промышленном институте (бывш. Строгановском), где он руководил кафедрой монументальной живописи до последних дней своей жизни. С. Герасимов был человеком мужественным и стойким. Жизнь его далеко не была сплошным праздником. Но праздники свои он отмечал всегда широко среди друзей...

Летом прошлого года группе московских художников и искусствоведов было поручено разобраться в работах, оставшихся в мастерской Сергея Герасимова после его смерти. С грустью переступил я порог большой мастерской на Верхней Масловке, в которой не раз бывал при его жизни. Все в ней осталось по-старому: два стола, большой и маленький, заваленные принадлежностями для работы, шкаф с книгами по искусству, несколько мольбертов со стоящими на них незавершенными работами, прислоненные к стенам многочисленные холсты. И только пейзаж, видимый из окон мастерской, стал неузнаваемым за два неполных года, прошедших со дня смерти художника,— на месте неказистых деревянных домиков Масловки выросли высокие дома-башни. На стенах мастерской ранние, дореволюционные портреты отца и матери художника (масло), фрагмент мозаики из Равенны, прекрасная цветная репродукция «Святого семейства» Тициана из Венского музея, этюд маслом работы Валентина Серова. На стене около стола фотографии Ф. Шаляпина, В. Сурикова, репродукции с «Троицы» А. Рублева и фото любимой внучки художника. Вперемежку с ними

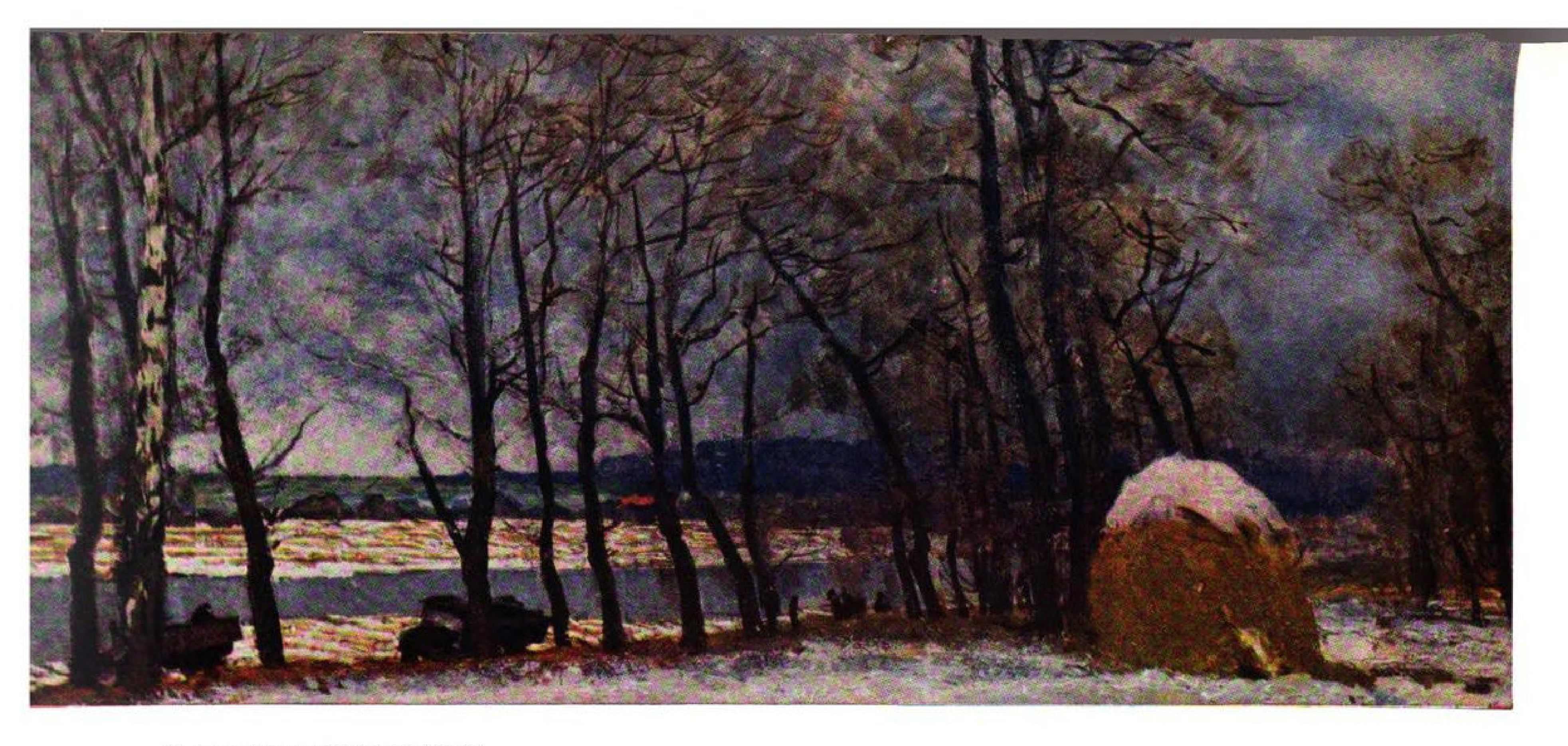

С. Герасимов. 1885—1964. В. И. ЛЕНИН НА II СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ.

С. Герасимов. ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ.

С. Герасимов. ПЕЙЗАЖ С РЕЧКОЙ.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ.

Юлюс Янонис

Жизнь этого замечательного человека оборвалась в мае семнадцатого года, когда ему едва исполнился двадцать один год, но к этому времени он успел уже дважды войти в историю — в историю литовского коммунистического движения и литовской революционной поэзии, основоположником которой он был.

Юлюс Янонис родился 5 апреля 1896 года в бедной крестьянской семье. В начальной школе он овладел грамотой, литовской и русской, уехал в город, ценой больших лишений продолжал учиться, сплотил вокруг себя кружок учащейся молодежи, изучал в нем марксистскую литературу и создавал прекрасные стихи, революционные и лирические.

Как всякий большой поэт, Юлюс Янонис очень рано созрел. Уже в пятнадцатом году он писал:

Поэт не жрец, курящий фимиам
И шепчущий в ночной тиши молитву,
Поэт — трубач, зовущий войско в битву
И прежде всех идущий в битву сам.

И, как всякий большой поэт, Юлюс Янонис был пророком. Перед своей кончиной, за полгода до Октябрьской революции, в письме, обращенном к товарищам, он сказал: «...появляются признаки, показывающие, что социализм уже начинает осуществляться и... что в наше время никакое воображение не может представить себе тех поразительных перемен во внешней и внутренней жизни общества и личности, которые последуют за полным осуществлением социалистического строя...»

В эти дни Юлюсу Янонису исполнилось бы семьдесят лет. Он был первой любовью литовской советской поэзии, и мы его не забудем.

А. СНЕЧКУС,
первый секретарь ЦК
Коммунистической партии Литвы

Из катехизиса рабочего

— Скажи, почему миллионы,
Творящие блага земные,
Встают и ложатся со стоном,
Измученные и больные?

— Они потому так угрюмы,
Страдают и пот проливают,
Что кровь их сосут толстосумы,
Что их богачи угнетают.

— Однако не велено ль богом
Богатым жить праздно, просторно,
А бедным в жилище убогом
Страдать и трудиться покорно?

— Всем поровну делит природа,
Родник ее неисчерпаем.
Богатый — душитель народа,
Богатого мы обвиняем!

— Но как беднякам и рабочим
Осилить нужду и подняться,
Из тягостной выбраться ночи,
Счастливого утра дождаться?

— Мольбой ничего не добьемся,
Мы счастья добьемся борьбою!
Все силы на это — клянемся!
Пусть Маркс нас ведет за собою!

1914.

Вставай, Россия!

1

Пройди Россию вдоль и поперек,
От Немана и дальше на восток,
К Чукотке, и, вернувшись, расскажи,
Видал ли ты людей, что от души
Не просят мира; много ли домов
Ты назовешь, где мать своих сынов
Не схоронила, где старик отец,
Седой, больной, не выбился вконец
Из сил... Печальна, как и встарь,
Россия... Только подлый царь
Не опечален: хищники его
Все просят крови новой...

2

О да, не напились, им мало — кровь течет,
Бурлит и плещется широко, как река.
Все пьют, и пьют, и будут пить, пока
Народ, восстав, их всех с земли сметет...

. . . .

Россия, поднимись! Пусть жарко, как пожар,
Бушующая месть палит и жжет сердца.
Из ножен вырвав меч, будь стойкой до конца.
Лишь вражья кровь зальет народной
мести жар.
И, убедившись в том, что сгинули они,
Что больше нет тиранов и господ,
Свой грозный меч сломай и павших за народ,
Воздав им почести, со славой схорони.
Черно-зелеными цветами их укрой —
То цвет печали и надежды цвет.
И канет горе, станет вольным свет.
И солнце счастья встанет над тобой.

1915.

Перевод Андрея КЛЕНОВА.

висят превосходные акварели и несколько можайских пейзажей разных лет. Через несколько дней мастерская оказалась заполненной великим множеством работ, извлеченных из компактного деревянного хранилища, сооруженного в углу мастерской. Мы с головой погрузились в неиссякаемый поток его творчества...

Художнику не приходилось думать, над чем он будет работать завтра. Он стремился только успеть в любой форме выразить то, чем он был переполнен. Об этом красноречиво говорили сотни холстов — пейзажей, портретов, этюдов, эскизов,— яркое свидетельство силы художника, его редкой универсальности.

И все это было отмечено великолепным артистизмом, темпераментом, богатством воображения, красотой цвета. Одним из самых сильных впечатлений, полученных при просмотре работ Сергея Герасимова в его мастерской, было знакомство с тремя старыми конторскими книгами, где на грубой бумаге черной акварелью были запечатлены воспоминания художника. В этом неповторимом дневнике мастер воскрешает образы своих близких, события своей юности. Какое богатство и глубина наблюдений, какая сила творческой мысли, вызывающей саму жизнь на ветхие страницы старых конторских книжек! С удивительной отчетливостью возникает на них ушедший в далекое прошлое жизненный уклад дореволюционной русской провинции.

Девяноста пяти листам рисунков предшествуют две страницы, целиком заполненные фамилиями родных, близких и знакомых художника по Можайску (здесь около двухсот!). Сергей Герасимов, как всегда, остался верен самому себе в своем неизменном интересе к людям. Каждый из его знакомых знал это по себе. Для Сергея Васильевича художник не был только художником — он помнил имена членов его семьи, условия и обстоятельства его личной жизни. В своей последней речи Герасимов сказал: «Нельзя отделить человеческую личность от искусства, и невозможно поставить границу между служением обществу и задачами искусства». Он был художником, который пропускал через себя все явление жизни. Его творчество крепчайшими узами связано с историей нашей страны, оно является художественным документом редкой искренности.

Главной темой искусства Герасимова начиная с двадцатых годов стал революционный народ. Таков монументальный крестьянский цикл портретов конца 20 — начала 30-х годов, завершенный знаменитым «Колхозным сторожем». Героико-эпическая тема прошла через всю его жизнь и раскрыта в таких ставших классическими произведениях, как «Клятва сибирских партизан», «Ленин на II съезде Советов», «Мать партизана», «За власть Советов».

Р о д и н а, н а р о д, р е в о л ю ц и я — темы, которыми питалось жизнеутверждающее искусство Сергея Герасимова. И цикл последних работ ушедшего мастера «Земля Русская», выдвинутый на Ленинскую премию, достойно венчает славный путь выдающегося русского художника-патриота.

„МЫ НЕ ГРОМОВЕРЖ

О. КНОРРИНГ, М. ЭПШТЕЙН

В нашей стране построены и уже дают электроэнергию самые крупные в мире гидроэлектростанции — Куйбышевская, Волгоградская и Братская. Заканчивается строительство еще более крупной — Красноярской ГЭС, мощностью в пять миллионов киловатт. За ней последуют Саяно-Шушенская и Усть-Илимская. Построены тепловые электростанции мощностью свыше миллиона киловатт. Появились электростанции на атомной энергии. Впервые в мировой практике действуют линии электропередач напряжением 500 тысяч вольт на переменном и 800 тысяч вольт на постоянном токе.

В течение пятилетки мощность наших электростанций должна увеличиться на 64—66 миллионов киловатт с тем, чтобы вырабатывать в 1970 году 840—850 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Это в сто раз больше того, о чем мечтал Владимир Ильич Ленин в ту пору, когда рождался план ГОЭЛРО.

Но электроэнергию на склад не сложишь. Это не нефть и не уголь. Производство, распределение и потребление ее происходят одновременно. В этом ее специфика. Да и потребность в электроэнергии не стабильна. Она непрерывно меняется даже в течение одних суток. Для того, чтобы использовать ее более рационально, застраховать себя от возможных неожиданностей, создана Единая Энергетическая Система. О ней мы и рассказываем в репортаже с главного диспетчерского пульта ЕЭС.

Огромный, светлый зал. За длинным пультом, в который вмонтировано около сотни приборов, сидят всего три человека. Напротив во всю стену разноцветные огни схемы. Кружки с надписями: «Ростов», «Харьков», «Донбасс». Это территориальные энергосистемы. Светятся лампочки, которыми обозначены крупнейшие ГЭС и электроподстанции. Между ними линии высоковольтных передач: белые, желтые, красные. Вспыхивают огоньки: то зеленые — агрегат работает, то красные — агрегат остановлен.

В зале тишина. Лишь изредка диспетчер снимает телефонную трубку и, называя по имени и отчеству коллегу — дежурного где-нибудь в Воронеже или Свердловске,— коротко передает распоряжение...

Мы — на командном пункте «ОДУ ЕЭС» — Объединенного диспетчерского управления Единой Энергетической Системой Европейской части СССР. Широко распростерлись ее владения...

Наш собеседник старший дежурный диспетчер Гурий Сергеевич Соколов довольно образно рассказывает о подопечной ЕЭС.

— Представьте себе сердце с кровеносными сосудами. Сердце гонит кровь в аорты, а оттуда она расходится по сети разветвляющихся сосудов, пока наконец не проникает по капиллярам во все части организма.

В народном хозяйстве «кровь» — электрическая энергия. Гигантская сеть линий электропередач несет ее по всей стране — от Крайнего Севера до Юга. Однако у ЕЭС перед обычной кровеносной системой есть огромное преимущество. У нее не одно, а много сердец — электростанций, соединенных линиями высокого напряжения, работающих в общий котел. Поэтому ей не страшны никакие инфаркты. Остановится одно сердце, работу его на себя тотчас возьмут другие. Трудно стало одному сердцу — большая выпала на его долю нагрузка,— ему тотчас помогут другие... Уралу, например, помогают волжские ГЭС. И, наоборот, если понадобилась центру страны надбавка, то уральские станции выручат.

Народному хозяйству это выгодно: если бы станции работали каждая сама по себе, изолированно, то и мощности их должны были быть гораздо большими. В дальнейшем — за пределами новой пятилетки,— когда к Единой Энергетической Системе подключатся Сибирь и Дальний Восток, такое маневрирование станет еще более выгодным. Скажется разница поясного времени: когда в европейской части страны ночь и энергии требуется меньше, начинают работать заводы Сибири, Дальнего Востока, и мощность европейских электростанций можно будет отдать туда. Конечно, произойдут известные потери на линиях передач, но все равно экономически это будет выгодно.

— Как же вы, диспетчеры, узнаете, кому, когда и сколько потребуется энергии?

— Это определяется заранее. Опыт прошлых лет, месяцев и дней позволил составить единый суточный, почасовой график всей ЕЭС и местных энергосистем. Работа эта очень сложная, трудоемкая, и прогнозистам не обойтись без электронно-вычислительных машин.

В углу комнаты за специальным столом сидит техник-оператор Елена Михайловна Быханова. Перед ней журнал с графиком работы всех территориальных энергосистем. Каждый час дежурные диспетчеры с мест по телетайпу передают фактическое его выполнение. Елена Михайловна заносит данные в журнал, и постепенно рядом с кривой задания появляется кривая его выполнения. К чести инженеров-прогнозистов, эти линии почти всегда сходятся. Вот что значит опыт и хорошо поставленный учет!

Гурий Сергеевич объясняет нам устройство центрального диспетчерского пункта.

— На схеме ЕЭС, что изображена на стене, нанесены только основные энергосистемы и крупнейшие электростанции, которые подчинены непосредственно нам. За каждым кружком — своя территориальная энергосистема. С ними у нас прямая связь.

— А могут ли дежурные на местах самостоятельно выключить какую-нибудь линию электропередачи, остановить или, наоборот, включить одну из своих станций или крупных агрегатов?

— Только в аварийных случаях. И немедленно обязаны поставить нас в известность. Но такие аварийные ситуации бывают редко. Обычно мы договариваемся заранее, когда и что можно отключить для ремонта или профилактики.

— Перед вами столько приборов! Как вы успеваете следить за ними?

— Долголетняя практика,— улыбается Соколов.— Я здесь уже тридцать лет. Но нам важны главным образом два прибора, определяющие качество электрической энергии: указатели напряжения и частоты тока в системе. Частота должна быть пятьдесят периодов в секунду. Нужно, чтобы все станции работали синхронно. Отклонение допускается на одну десятую периода в ту или другую сторону. Видите, как самописец пишет кривую колебаний? Почти прямая линия. Если вдруг от перегрузки частота упадет, то немедленно включатся регулирующие агрегаты крупных ГЭС — Куйбышевской или Волгоградской. А они уж автоматически корректируют ее, добавляя или снижая мощность. Приборы приборами, но одними ими не обойдешься. Иногда дело решают секунды — иначе авария. И тут выручает автомат. В случае чего он сам отсоединит аварийный участок и уменьшит перегрузку за счет менее важных потребителей. Ну, а затем мы уже, как говорится, спокойно восстанавливаем положение дел, перебрасывая мощности из других районов. В большинстве случаев потребитель этого даже не замечает.

— Каковы особенности почасового графика?

— Он зависит от очень многих, порой самых неожиданных обстоятельств, не имеющих, казалось бы, никакого отношения к энергетике. На него влияют времена года — летом день длиннее, зимой короче; температура — чем холоднее, тем больше расход электроэнергии; время суток — ночью потребность меньше, днем больше.

Действительно, кривая, находившаяся в два часа ночи на очень низкой отметке, к восемнадцати часам высоко поднялась, а затем вновь покатилась вниз.

— Все должно быть учтено: месяц, неделя, день, час. Важен даже день недели. В воскресенье нагрузка значительно меньше: все отдыхают. Зато в понедельник только давай. В конце месяца или квартала расход энергии куда бóльший (любители штурмовщины спешат выполнить план), чем в первые числа.

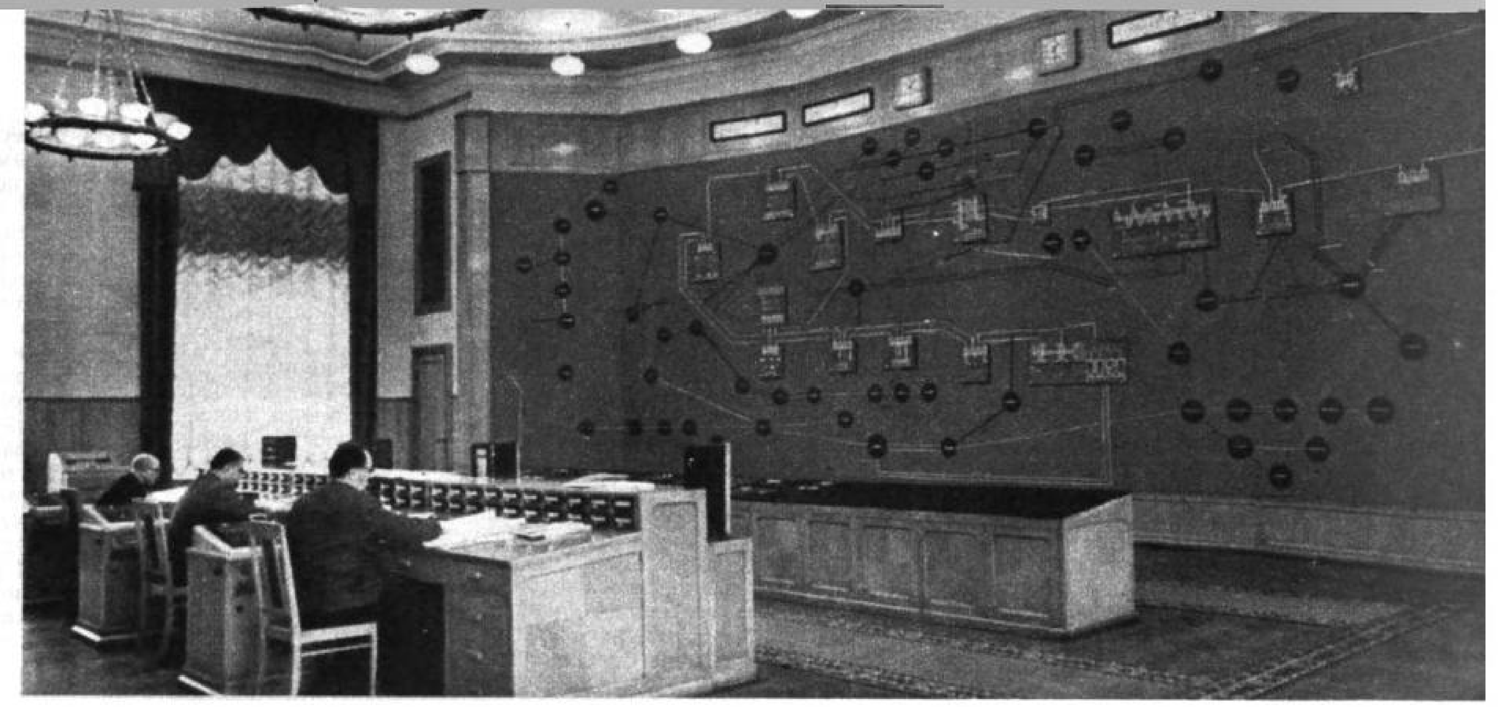
Мы здесь, глядя на приборы, порой активно вмешиваемся в жизнь. Регулируем, например, сброс и накопление воды в водохранилищах. А от этого зависит водоснабжение городов, судоходство, работа оросительной системы и рыбное хозяйство. Села баржа на мель — речники просят подбросить воды, чтобы стащить судно с мели. Подошла рыба на нерест — необходимо залить большие территории нерестилищ ниже плотины.

Ну, кажется, какое отношение имеет к нам матч сборных футбольных команд СССР и Бразилии? Происходил-то он ведь в Рио-де-Жанейро. Оказывается, самое прямое. По Интервидению он передавался поздно вечером, и вместо того, чтобы спать, миллионы людей одновременно уселись у телевизоров. Да еще жгли в квартирах свет. Нам пришлось добавить немало мощностей. Рассказывают, что лет пятнадцать назад, когда из Америки транслировался по радио матч на первенство мира по боксу, в Англии на электростанции даже авария произошла — резкая перегрузка.

— Да, не очень-то спокойная работа у диспетчера!

— Иногда приходится довольно жарко... Особенно зимой. Провода обледеневают, ветер их раскачивает, и расстояние между ними все время меняется. Происходит ионизация воздуха, а в результате пробой, короткое замыкание. Приходится отключать линию высоковольтной передачи

ЦЫ..."

Отсюда управляют мощностями более шестидесяти миллионов киловатт.

пускать ток низкого напряжения, прогревать провода, чтобы лед оттаял и свалился. У нас предусмотрены почти все варианты возможных аварий и разработаны схемы: что, когда, в каких случаях нужно делать. Опытный диспетчер должен все это держать в голове и действовать быстро, не заглядывая в святцы. Днем более спокойно. Всякие отключения на ремонт происходят обычно ночью. Тут у нас начинаются бесконечные переговоры с местными диспетчерами. Если интересуетесь, можете послушать. Они записываются на магнитофон. Это своего рода контроль. Вдруг надо проверить, правильно ли действовала дежурная диспетчерская смена. Всякое бывает...

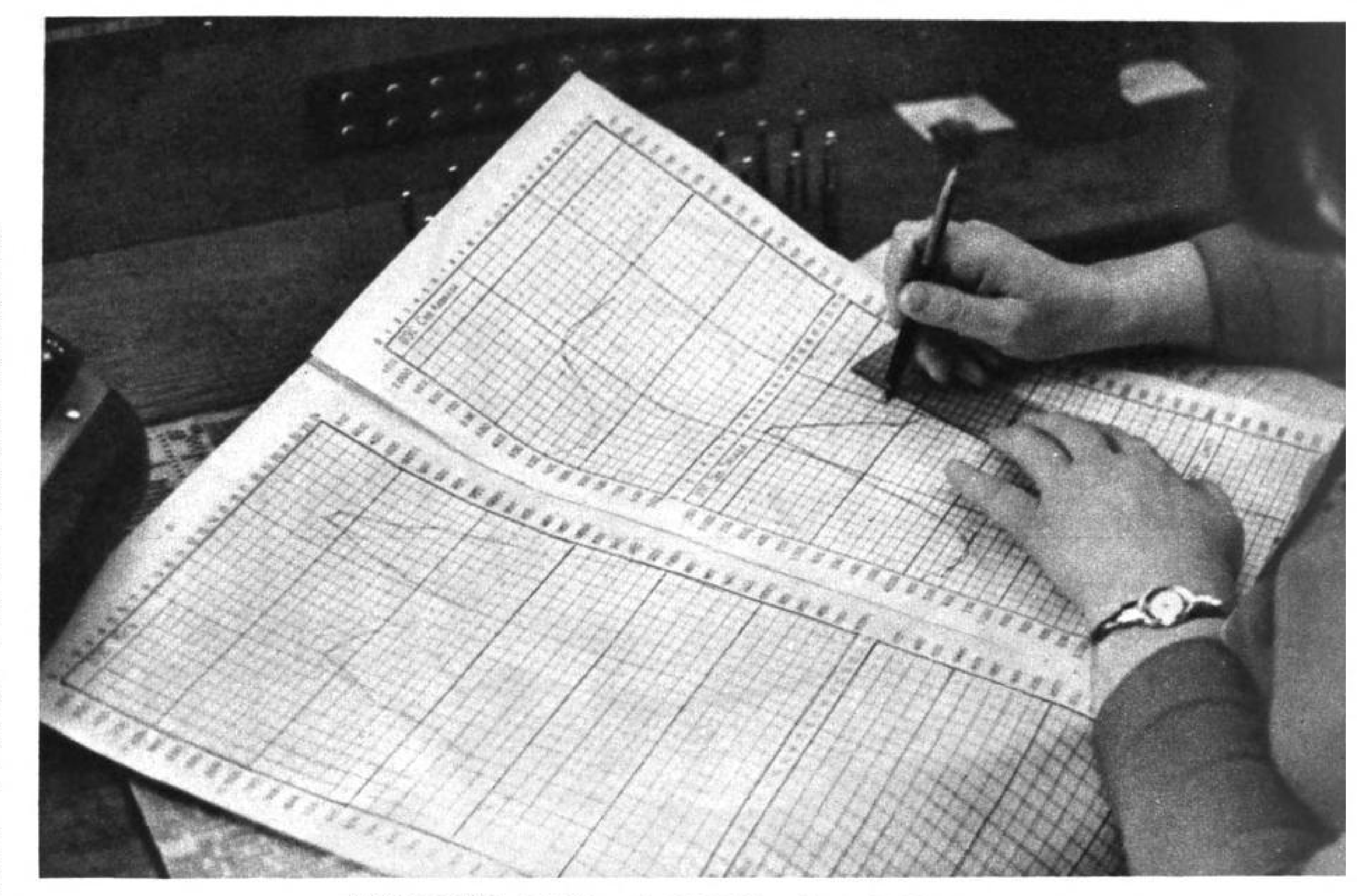
Замигала сигнальная лампочка. Гурий Сергеевич снимает трубку телефона. Черепетская ГРЭС в Тульской области просит разрешить на несколько часов отключить один из агрегатов для профилактики.

— Гурий Сергеевич,— спрашиваем мы,— не вызовет ли остановка такого крупного агрегата перебоя в работе всей системы? Ведь это же триста тысяч киловатт!

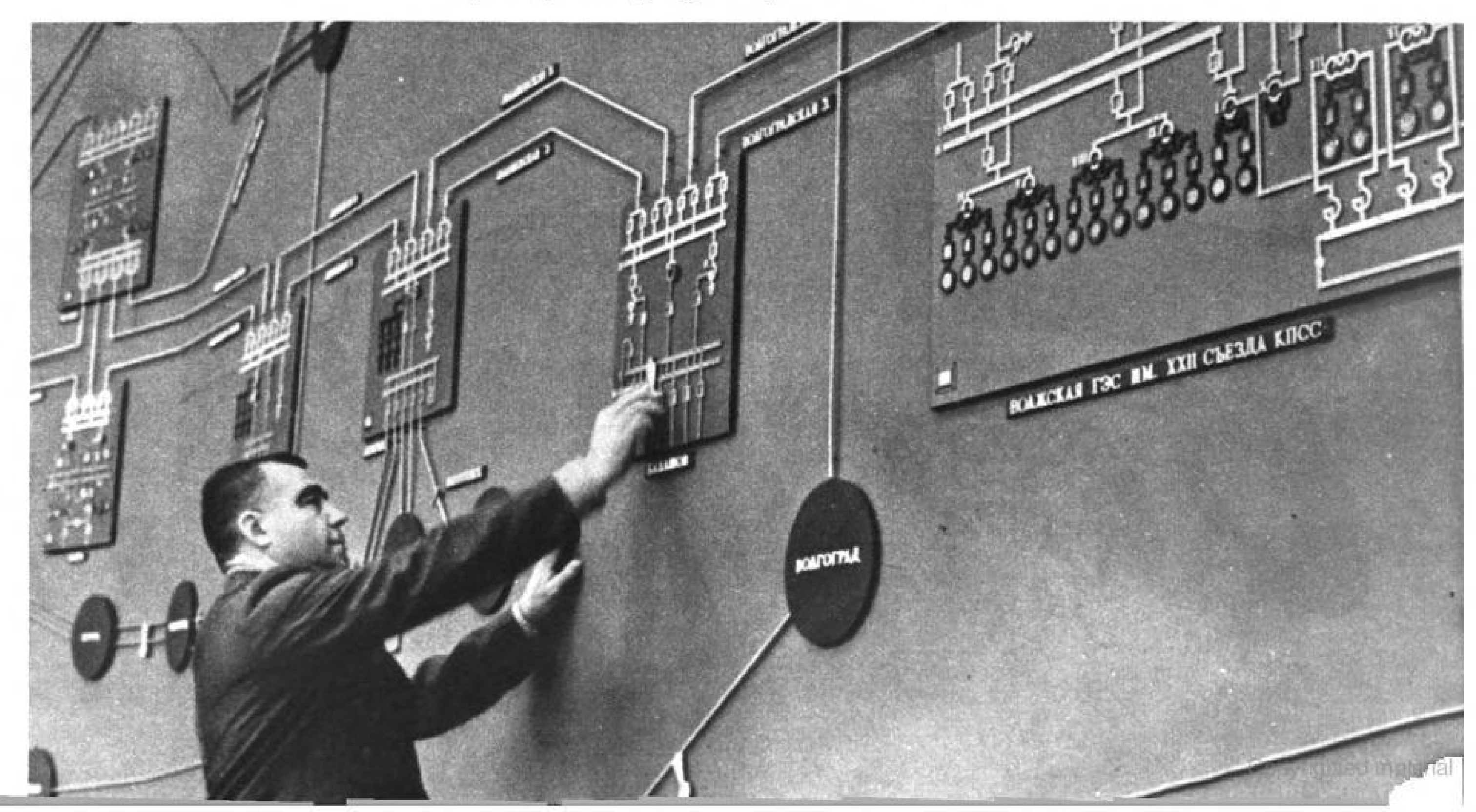
— Ну и что ж такого? Сейчас мы располагаем такими мощностями, что какие-то триста тысяч погоды не делают. В системе это пройдет незаметно и на потребителях не отразится.

Действительно, времена изменились. Если в свое время Волховская ГЭС с ее мощностью в пятьдесят тысяч киловатт считалась флагманом советской энергетики, то сейчас пуск или остановка агрегата мощностью 300 тысяч киловатт — дело обыденное, будничное. Ведь общая мощность всех станций ЕЭС — более шестидесяти миллионов киловатт.

Когда мы впервые пришли сюда, работники диспетчерского управления просили не называть пульт «электрическим Олимпом», а их самих—«громовержцами». Никакие-де они не «громовержцы», а обыкновенные советские инженеры. Выполняем их просьбу, но сознаемся, делаем это с трудом.

Кривая задания и кривая его выполнения почти совпадают.

Старший диспетчер Гурий Сергеевич Соколов.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ:

Пословицы не стареют

Но неужели в датском государстве и в самом деле не все ладно? А ведь какой был мощный коллектив!

Когда Алексей Горячев впервые вошел в огромные с зеркальными стеклами двери института, у него, откровенно говоря, сердце трепыхалось, как будто он шел на первое свидание с возлюбленной. Да и потом он еще долго чувствовал себя на седьмом небе. Пожалуй, до этой самой статьи Ф. Моргана и последнего разговора с Ярославом...

Все в его институте было отлично. Новая современная аппаратура, ускорители, магниты, измерительные приборы. Отличный теоретический отдел, куда он пришел еще студентом-дипломником. Простота отношений. Общее дружелюбие.

Алексею нравилось даже то, что тут все то ли от привычки к «расщеплению неделимого», то ли из экономии времени называли друг друга всякими сокращенными именами. Крохмалев для всех был просто Крох. Порой звучало и ироническое «Кроха».

Михаил Борисович, в подчинении у которого находился теоретический отдел, был просто Шеф. Это уже от великого почтения. Академик Гиреев был известен среди своих как Дед, хотя по возрасту он был не старше Михаила Борисовича или Подобнова. Физика все еще была наукой молодых, и директору института едва стукнуло сорок пять. Только высокомерный теоретик Анчаров, заместитель Михаила Борисовича по теоретическому отделу, ни на какие клички не отзывался и сам их не употреблял. Всем своим поведением он демонстрировал, что теоретическая физика — удел «избранных», к каковым причислял и себя. Он гордился недавно полученной докторской степенью и жаждал, чтобы его именовали с упоминанием степени. В результате молодежь присвоила ему кличку «Док». Звучало почти по-американски.

Впрочем, Алексей с первого дня приметил, что этакая «американизация» привычек, речи, поведения была тут вообще в ходу. Может быть, потому, что все эти люди действительно соревновались с американцами, а может быть, потому, что часто бывали за границей,— известно, «с кем поведешься, от того и наберешься!» — так по крайней мере говорил Ярослав Чудаков, которому этот «американизм» не очень нравился. Однако в присутствии Михаила Борисовича и на официальных семинарах все обращались друг к другу как-то подчеркнуто уважительно, подражая стилю своего шефа, и тогда Алексею порой казалось, что сейчас прозвучит: «Многоуважаемый шкаф...»

К Чудакову и к Алексею клички как-то не приклеивались. То ли фамилии не позволяли, то ли их еще не приняли в свою среду. Потом, когда выяснилось, что Чудакова зовут Ярослав Ярославович, он как-то сразу стал для всех, в том числе и для служителей, Яр-Ярыч, что, впрочем, вполне соответствовало его колючему характеру. Алексей боязливо ждал, когда и его перекрестят из порося в карася, но его все звали просто по имени. И только к самому концу работы над своим дипломом он услышал, как Подобнов кричал кому-то по телефону:

— А где там «Божий человек»? Сходи к нему, он в расчетах мастак, сам Шеф сказал!

И Алексей вспомнил покойную бабушку, которая говорила, что его назвали в честь Алексея — божьего человека... Но откуда атеистам знать святцы? Еще чье-нибудь «хобби»? Какой-нибудь собиратель икон придумал?

Впрочем, ему это даже польстило: его приняли в число посвященных!

Хорошо еще, что в кличке нет ничего обидного, как, например, в имечке «Кроха». Крохмалев терпит, когда его называют Крох, но сердится, когда говорят Кроха. По-видимому, понимает истинный подтекст: действительно, как это позже стало очевидно для Алексея, вся его научная деятельность — мыльный пузырь, расцвеченный солнцем чужих открытий. Алексей помнит, как Кроха высказал ему однажды свой символ веры: «Важно одно — чтобы у тебя была лишняя галочка в списке научных работ. Ведь зарплату надо как-то оправдывать!» Странно, правда, что, несмотря на весь этот цинизм, мыльный пузырь был очень устойчив и не лопался, как будто его терпеливо поддерживали чьи-то руки в шерстяных перчатках. Алексей со школьных времен помнил этот удивительный физический фокус — в шерстяных перчатках мыльный пузырь можно держать сколько угодно и нести, пока не надоест.

Алексей нескоро научился разбираться в институтской табели о рангах. Да и знает ли он ее даже и теперь, проработав в институте восемь лет? Сначала ему казалось, что вокруг одни небожители, и только значительно позже он понял, что, увы, это совсем не так.

Продолжение. См. №№ 10—13.

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

Николай АСАНОВ

С небожителями Алексею не повезло. Он до сих пор без улыбки вспоминает последние дни практики. Еще бы, чуть не вылетел из теоретического отдела и вообще из института. И все из-за того, что, как говорит Чудаков, вздумали яйца курицу учить!

Михаил Борисович попросил Алексея просмотреть громоздкие вычисления в очередной работе Анчарова. Алексей добросовестно проверил формулы и нашел несколько ошибок. Они не очень и умаляли авторитет сочинителя, так как подобные ошибки нередко закрадываются в длинные и громоздкие вычисления и обычно исправляются при повторных проверках. Но что было действительно серьезно — это то, что у Алексея по мере знакомства с таблицами все увереннее возникала крамольная мысль о полной ненужности и бессмысленности подобной теоретической «деятельности».

Чудакова и Горячева пригласили на очередное заседание ученого совета института. Милость, которой небожители изредка одаривали практикантов.

Чудаков, поднявшийся из своей «преисподней», как он именовал машинный зал, спросил:

— Чем порадуешь Дока?

Алексей показал свои пометки. Чудаков удовлетворительно кивнул.

— Очень кстати, пусть видит, что и мы не лыком шиты!

— Но, понимаешь, какое дело! Док выступает тут против такой разумной и изящной теории о существовании электрино...

— Ни-ни-ни! — Чудаков даже рукой замахал перед носом у Алексея.— Я тебя не слышал, ты мне этого не говорил!

— Но почему?

— Потому, что сам Анчаров никогда не осмелился бы нападать на электринную теорию. Ты статью видел?

— Н-нет... Мне дали только формулы для проверки.

— То-то же! Голову даю на отсечение, что на статье даже не две, а три или четыре подписи. И первая — Михаила Борисовича.

— Ну и что же?

— Вот чудак человек! Если ты укажешь на две-три ошибки — это одно дело, их исправят и спасибо скажут. Но если ты обрушишься на идею, то наживешь врагов...

— Но всякая истина познается в споре...

— А почему ты думаешь, что они гонятся за истиной? Существование электрино еще не доказано, возможно, вообще не доказуемо. А Красов и Анчаров тем временем выпустят еще одну оригинальную работу, наполненную высокими идеями. Ведь изображать-то нужно как-нибудь! Тебе, наверно, известно изречение американского ученого Гелл-Манна: «Пройдет еще немало времени, прежде чем физик, занимающийся природой элементарных частиц, останется без работы...» Вся деятельность нашего Дока является блестящей иллюстрацией справедливости этой мысли. А ты собираешься при всех крикнуть: «А ведь король-то голый!» Нет, нет, нет! Поверь моему опыту: навалятся на тебя всем судилищем и сожрут. Я уже чую запах жареного. Хотя ты такой тощий, что тебя, вероятно, предпочтут съесть в вареном виде!

Алексея тогда удивила и вместе с тем позабавила такая резкость суждений Ярослава. Он предпочел бы, чтобы друг продолжал спор. Но Чудаков только сказал:

— Посмотри на себя в зеркало! Вот так рождаются мученики!

Алексей подошел к окну, гладкая плоскость которого вполне могла заменить зеркало. Ничего мученического в узком, без единой морщинки или складочки лице не было. Он пожал плечами, увидел, как отражение в окне проделало то же самое, усмехнулся и отправился на заседание.

Заседание еще не началось: ждали Ивана Александровича. Но Алексею показалось, что Красов и Анчаров ждали не академика, а именно его. Оба встали, как только Алексей показался в дверях. Михаил Борисович ухватил его под руку и увлек в угол, под огромную пальму. За ним поспешил и Док.

— Нуте-с, нуте-с! — благожелательно произнес Михаил Борисович, осторожно принимая из рук Алексея папку с расчетами.— Посмотрим, что тут у вас...

К ним немедленно присоединились Подобнов и Крох. Эти выглядели как два ревнивца. Еще бы, кто-то другой заслужил благорасположение Шефа. Подобнова Алексей прощал. Он уже знал незамысловатую историю этого небокоптителя. Когда-то Подобнов рвался к экспериментам, но каждый раз опаздывал с результатами. Стоило ему что-нибудь предложить или во всеуслышание предположить, как через месяц приходил американский, английский либо немецкий физический журнал, в котором черным по белому писалось, что подобный опыт только что осуществлен и результаты такие-то... В конце концов в институте начали пошучивать, что у Подобнова, несомненно, есть двойники или родственники во всех физических институтах мира, которые вызывают его по системе телепатии, или, говоря научнее, по системе биологического радио, и передают ему новости науки, только действуют с небольшим опозданием. А может быть, он и на самом деле пользовался быстро стареющей информацией. Друзья среди иностранных физиков у него были...

Но ревности Крохи Алексей в то время не понимал. Кроха был на хорошем счету. Он долго работал в Дубне, провел там несколько интересных экспериментов, правда, не один, а вместе со своим приятелем Тропининым. Потом Михаил Борисович перетащил его под свое крыло и сразу сделал своим заместителем по экспериментальному отделу. Почему же Кроха ревнует Шефа к никому не известному студенту?

Михаил Борисович быстро перелистывал страницы вычислений, бормоча под нос: «Так-так-так!» — и казалось, что он склевывает подчеркнутые красным карандашом ошибки в вычислениях Анчарова. Перелистав страницы еще раз, он с досадой сказал Анчарову:

— Уважаемый доктор, вам следовало бы внимательней отнестись к вашим выкладкам! Отдали бы лишний раз посчитать все формулы вашим аспирантам!

Анчаров побагровел от неуместного намека. Институтские сплетники поговаривали, что в его докторской диссертации и научных работах участвовали не только его многочисленные аспиранты, но и почти все сотрудники теоротдела.

— Я еще проверю расчеты Горячева! — сердито сказал он.

— Впрочем, все это мелочи! — более милостиво сказал Михаил Борисович.— У вас, Алексей Фаддеевич, есть еще какие-нибудь замечания?

Чудаков, стоявший в стороне у стены, взглянул на Алексея умоляющими глазами. И тот совсем было собрался сказать «Нет!». Но вместо короткого отказа выговорилось, точнее, вымямлилось: «Н-нет, но как вам сказать...» — и Михаил Борисович, остро взглянув в его глаза, тоном приказа произнес:

— Говорите побыстрее, а главное, поточнее! Иван Александрович уже выехал из академии.

И Алексей, все еще сопротивляясь самому себе, заговорил:

— Видите ли, Михаил Борисович, мне кажется, что все расчеты Якова Арнольдовича построены на том, что он пренебрегает электринной теорией...

— А если электрино в действительности нет? — быстро перебил Красов.

Алексей отметил про себя, что Михаил Борисович задает вопросы так, как это делают на зачете, когда хотят обязательно срезать студента.

— Но мы знаем, что в Лос-Анжелосе готовится грандиозный эксперимент по уловлению электрино! — выпалил он.

— Мы у себя проводили подобные эксперименты.

— В малых масштабах...

— А вы уверены, что электрино существует?

— Если электрино нет, тогда нарушается эль-инвариантность!

— Но ведь Анчаров объясняет это!

— После такого объяснения над нами будут смеяться во всем мире! Я имею в виду наш институт.

Михаил Борисович вдруг выпрямился, даже ростом повыше стал и гневно крикнул:

— Это еще не ваш институт! Вы видите эту дверь? — Он ткнул пальцем по направлению двери, на которой была строгая надпись: «Посторонним вход воспрещен!», — подошел к ней и распахнул.— Я вижу, товарищ Горячев, что вы не умеете читать! Это я имею право войти в эту дверь, а вы...— Дальше Алексей не слышал, Красов уже захлопнул дверь за собою...

Все на мгновение онемели. Даже Анчаров не мог произнести ни слова. Горячев пожал плечами и вышел из зала.

В коридоре его догнали Крох с Подобновым и Чудаков со своим техником Валькой Ковалем. Но и тут они шли раздельно: Крох и Подобнов — справа, а Чудаков и Валька — слева, будто начисто разделились в оценке инцидента, хотя одинаково пытались утешать.

КРОХ. Да бросьте вы, Алеша! Михаил Борисович в гневе зверь, но отходчив, как малое дите! — Он был готов даже подсюсюкнуть.

ПОДОБНОВ. Алексей Фаддеевич, поймите, нельзя же критиковать работу старших товарищей, даже и не ознакомившись с нею как следует!

А слева слышались более настороженные, но тоже сочувственные слова.

КОВАЛЬ. Эк, угораздило тебя наступить на самую любимую мозоль Шефа!..

ЧУДАКОВ. Не имеет права он выгнать! И рад бы, да не выйдет!

И опять справа доносилось:

КРОХ. Кто это говорит, что Горячева выгоняют? Кто это говорит? Просто Михаил Борисович указал Горячеву его место...

ПОДОБНОВ. А имеет ли практикант право критиковать учителя? Я считаю, что Горячев еще слишком молод и такого права не имеет!

Алексей, не отвечая, распахнул дверь на улицу и вышел, плотно захлопнув и придержав для верности металлическую с деревом массивную ручку. Все голоса разом отрезало, он оказался один на один с улицей, с белым, чистым, еще не успевшим побуреть снегом.

Больше он не ходил в институт, ожидая, когда ему принесут документ об отчислении. Он мог, конечно, закончить дипломную работу и дома: все материалы были собраны. Но было жаль институт. Жаль то, что он называл про себя воздухом науки. Жаль споров с такими же горячими и острыми на язык молодыми физиками. Ведь он так рвался в лабораторию самого Михаила Борисовича!

Друзья не оставляли его своим попечением. Прибегали то один, то другой, передавали новости. О скандале в конференц-зале ничего не говорят. Красов вызвал Анчарова; сидели два часа, Анчаров вышел еле живой. Академик заходил в преисподнюю и как бы между прочим спросил: «Где Горячев? Болен?» Коваль испугался, не мог ничего толком объяснить, сказал только, что Михаил Борисович не принял последнюю работу Горячева.

Через неделю или около того почтальон доставил Горячеву строгую телеграмму:

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

«Немедленно явитесь в институт для оформления на должность младшего научного сотрудника, иначе будем вынуждены искать замену. Красов».

Статья Анчарова ни в печати, ни даже на ротапринте не появилась. И никто о ней не вспоминал. Но и Михаил Борисович не извинился перед Алексеем. Как будто все это приснилось в дурном сне одному только Горячеву. Наоборот, Красов начал усиленно приглашать его к себе. Стал добрым шефом. Учителем. Почти другом.

Так неужели Чудаков прав в своих поспешных выводах? Нет, Алексей не может признать такую правоту. Чудаков просто начал смотреть на жизнь слишком мрачно. Сегодня Алексей пойдет к Красовым и сам поговорит обо всем, что лежит на сердце. И докажет и себе, и Чудакову, и, если понадобится, Красову, и Гирееву, что наука должна делаться чистыми руками. И совсем не потому пойдет, как думает Чудаков, будто ему хочется посмотреть на Нонну. Нет, именно ради науки. И к дьяволу любовь, если таковая и существует на белом свете. Так-то, товарищ Чудаков!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ:

Нонна

Как давно Алексей не был в этом доме! Пожалуй, после отъезда Нонны к мужу в Ленинград он здесь уже не бывал. Когда это произошло? В 1957-м, вот когда! Значит, пять лет он обходил Дом академиков стороной. Даже и в других квартирах не бывал, если и приглашали, все боялся, что ошибется дверью и нечаянно позвонит Красовым. Откроет работница, спросит: «Вам кого?» — и он с замирающим сердцем скажет: «Нонну».

Михаил Борисович, вероятно, догадывался, почему Алексей на все приглашения отнекивался, а Бронислава Григорьевна знала точно. Нонна, должно быть, советовалась с нею, прежде чем сказать Алексею «Нет!». В это время всеми ее помыслами уже владел Бахтияров.

Бахтиярова Алексей увидал в этом же доме. Тот приехал из Ленинграда, как говорил, «за опытом». Бахтиярову было интересно узнать, как далеко продвинулись московские физики в использовании мощных реакторов. Москвичи консультировали и строили сами несколько крупных электростанций на атомном сырье. Но все эти станции находились в Заполярье. А Бахтиярову предстояло создать уникальное сооружение под Ленинградом.

Это был крупный человек, совсем непохожий на ученого, с большими руками, которые лучше годились для укладки кирпичей, нежели для черчения или выписывания формул. И голос у него был внушительный, так и казалось, что он начнет командовать и все бросятся выполнять его приказы. Это особенно оскорбляло Алексея, такая безропотная подчиненность постороннему человеку, о котором даже не знаешь, умен ли, добр ли, талантлив ли он.

Бахтияров словно прирос к дому Михаила Борисовича. Он пропустил все сроки своей командировки, безбожно врал Ленинградскому центру, что занят по уши,— Алексей слышал один из его разговоров с Ленинградом.

У этого Бахтиярова на все хватало времени. И сердца. То он увозил Нонну куда-то за город кататься на лыжах, то шел с нею в театр, то на концерт или на выставку. То устраивал какой-то пикник в снежном лесу на двадцать человек и сам готовил для всех шашлыки на костре, под заснеженными елями, на десятиградусном морозе. Шашлыки замерзали и покрывались твердым салом, но всем почему-то нравились, даже Алексею, хотя Алексей и тогда уже видел, как отдаляется от него Нонна. Словно ее насильно посадили в скоростной самолет, и самолет отрывается от земли, но ей не страшно и даже не досадно за насилие над ее волей. А ведь Алексей знал, какой у Нонны взбалмошный характер. Не так-то просто было ее подчинить... И вдруг она оказалась в полной власти Бахтиярова.

В конце концов Алексей сам вышел из этой игры.

Бахтияров неожиданно улетел на Север, пробыл там два месяца, а потом вернулся на свою стройку, под Ленинград, но Алексей этого и не знал: вот тебе наказание за то, что ты не боролся за свою любовь! Если бы ты был в это время возле Нонны, может быть, ты сумел бы разрушить чары этого гипнотизера и фокусника. А ты притворился гордым и уединился в свою пустыню науки. Правда, как раз в те дни Алексей вычислил теоретически массу новой частицы сигмы, а Чудаков блестяще подтвердил эти теоретические расчеты и показал сигму на фотопленке. Она взрывалась в пузырьковой камере такой красивой сверхновой звездой, что свидетели эксперимента только ахали. Кроме чистого восторга научного открытия, был тут и патриотический восторг: утерли нос американцам! Был и квасной патриотизм, чисто институтский: утерли нос дубнинцам! Была и практическая заинтересованность: институт получил новые ассигнования и новые электронные устройства, которых без этой сигмы им, наверно, не дали бы еще год, а то и два! Во всяком случае, Михаил Борисович и Гиреев были довольны едва ли не больше, нежели сами открыватели.

Но сигма — эта сверхновая звезда во внутриядерном мире — заняла у Алексея почти три месяца, а когда он, так сказать, вернулся обратно в мир, то узнал, что Нонна уехала в Ленинград. И Михаил Борисович с какой-то неясной грустью сказал своему ученику:

— Вот, не смогли вы удержать ее, Алексей Фаддеевич!

— Но ведь и вы...— сухо сказал Алексей. Он был тогда уверен, что уже вычеркнул из памяти Нонну. Это потом он понял, что сердечные раны так скоро не заживают.

Михаил Борисович устало сказал:

— Всякий ребенок тянется к огню!

Выяснилось, что Бахтияров, едва вернувшись с Севера в Ленинград, дал Нонне телеграмму из трехсот слов. И этой телеграммы оказалось достаточно, чтобы Нонна, обидев и мать и отца, очертя голову ринулась в Ленинград, к человеку, старше ее на двадцать лет, у которого к тому же была семья.

По показаниям очевидцев, никакой свадьбы у Нонны с Бахтияровым не было. Они поселились под Ленинградом, прямо на стройке, в финском домике.

Концертную деятельность Нонна прекратила. Зато организовала музыкальную школу на строительстве. Вообще она, видимо, сильно переменилась. Племя физиков малочисленно, информация у них развита сильно, поэтому Алексей, даже если бы и не хотел, все равно все узнавал о Нонне. Но о ней говорили только хорошее: рассказывали о ее красоте, благородстве и бог знает еще о чем, и все это было для Алексея как острый нож. По тогдашней своей молодости Алексей и не подозревал, что с ним, может быть, Нонна была бы совсем другой, такой, какой Алексей ее знал в отцовском доме: себялюбивой, эгоистичной, насмешливой. Но он-то полюбил ее такую, и все эти неожиданные перемены казались ему скорее капризами, нежели воспитанием в себе новой души...

Примерно через год стройка была закончена, и молодые супруги уже подумывали о переезде в Ленинград. Больше ничто не мешало Нонне строить новую жизнь, вернуться на сцену, создать «салон», и Алексей — в который уже раз! — приказал себе забыть ее. Очень похоже на сказку о белых слонах: не думай о них, и все сбудется по-твоему. А как не думать!

Во время пробного пуска реактора и проверки защитных систем одна из них не сработала. Теперь такого не бывает. Теперь каждая система подстрахована двумя-тремя другими. А в те годы реакторщики еще ходили по тонкому льду. Иногда лед проваливался...

О том, что Бахтияров получил большую дозу облучения, в институте узнали в тот же день. Бахтиярова через два часа после аварии привезли в Москву. Нонна прилетела на следующем самолете.

Михаил Борисович навестил больного. У Бахтиярова действительно был могучий организм, а сердце...

— Мы бы с вами, Алеша, не выдержали и одного дня! — сказал Михаил Борисович, вернувшись из клиники, где лучшие врачи пытались спасти больного.— А он еще улыбается, пишет распоряжения, обдумывает новую систему блокировки реактора. Но всего труднее Нонне.

— Разве она не у вас?

— Она осталась с ним.

— Но ведь...

— Ах, Алеша, что мы знаем о женщинах? — каким-то жалким голосом произнес Михаил Борисович, и Алексею показалось, что на глазах у него вот-вот появятся слезы.

Это поразило Алексея.

После ухода Нонны из дома Михаил Борисович стал относиться к Алексею с неожиданной мягкостью. Может быть, он считал своего ученика таким же обиженным, как и себя? Ведь Алексей замечал, что отец Нонны не был против его любви, может быть, даже считал его вполне достойным мужем. А что получилось? Человек, которому она вверила свою жизнь, теперь смертельно болен. Что же будет с нею?

Михаил Борисович отпустил Алексея, а сам так и остался сидеть за широким столом. Алексей, выскочив из института, взял такси и помчался в клинику.

Но к Бахтиярову и к дежурившей возле него жене Алексея не допустили.

Домой он вернулся разбитым, как будто и его окутало облако вредных излучений, которое опустилось на соперника.

Бахтияров умер через месяц.

Алексей был на похоронах. Он видел Нонну издали. Она стояла у открытой могилы, бледная, неподвижная, безучастная ко всему, и только слезы, которые вдруг начинали катиться по исхудавшим щекам, были живыми.

Сразу после похорон она уехала обратно под Ленинград. Возможно, она считала заработавший наконец реактор лучшим памятником своему мужу. Говорили, что она продолжала вести музыкальные курсы, вошла в совет жен, заботилась об увековечении памяти первого строителя реактора. В Москву она приезжала редко, а когда бывала в отцовском доме, дом как бы замирал.

О том, что Нонна побывала у отца, Алексей узнавал обычно после ее отъезда. Или так, как случилось однажды на Новодевичьем кладбище. Алексей почему-то забрел туда, хотя ему еще ни разу не приходила в голову мысль о том, что и он смертен. Такие мысли обычно приходят к людям после пятидесяти, а ему едва исполнилось двадцать пять. Просто был неинтересный футбол, ему стало скучно слушать вопли соседей, он ушел со стадиона, прошел по парку, оказался у окружной железной дороги, добрел до кладбища и зашел туда. Час был поздний, никаких похорон не происходило, и он побрел по дорожке, которая была самой пустынной. И внезапно увидел Бахтиярова.

Каменный Бахтияров стоял на том самом месте, в изголовье своей могилы, где когда-то, во время похорон, стояла Нонна. Он чуть склонился вперед по своей привычке, и ветер взметнул полы его плаща. Он что-то рассматривал впереди, чуть прищурясь, и лукаво-благожелательная улыбка на его лице показывала, что он узнал нечто новое, но бережет это новое пока в себе. Казалось, вот он распрямится, обратит лицо к нечаянному посетителю и вдруг скажет:

«А знаете, коллега, есть нечто странное в нашем микромире! Чем больше частиц мы открываем в нем, тем явственнее проглядывает что-то уже известное. Не кажется ли вам, Алексей Фаддеевич, что мы, разрушив представление об атоме как о копии нашей планетарной системы, постепен-

но приходим к ощущению атома как галактического построения?»

Алексей отчетливо вспомнил, что именно так его однажды и огорошил Бахтияров. Болтал с Нонной, шутил с друзьями-физиками, показывал какие-то непонятные карточные фокусы, а потом вдруг обернулся к Алексею и начал: «А знаете ли, коллега...» — и прочитал нечто вроде реферата о том, что может существовать прямая связь между микромиром и Вселенной, что относительно не только пространство, но и время, что теория квантового излучения внутри атома может соответствовать теории пульсации звезд в Галактике, что предполагаемый наблюдатель, оказавшийся внутри атома, вероятно, представил бы себе окружающую среду как цельную галактическую систему... И, внезапно зажмурившись, мечтательно протянул:

— Ах, если бы мне десяток лет вашего институтского созерцания! Сидеть втихомолку в теоретическом отделе, уставившись на свой пупок, и размышлять, размышлять...

Алексея покоробило от этого легкомысленного тона. Он-то знал, что в теоретическом отделе разглядывать собственный пупок некогда, — они не йоги, они ученые! Но ответить Бахтиярову не успел: Нонна, глядевшая на этого путаника как загипнотизированная, вдруг встала и вышла в свою комнату. Она шла, высоко неся голову, совсем как сомнамбула, — известно, что лунатики, или сомнамбулы, совершают самые опасные действия, не видя ничего: идут по карнизу многоэтажного дома, переходят с крыши на крышу, а глаза устремлены в какую-то далекую точку и даже не реагируют на свет. В этот миг, наверно, Алексей и понял, что его Нонны больше нет, родилась другая, новая, непохожая на ту.

Он угадал: Нонна вернулась из своей комнаты, неся на вытянутой левой руке небольшую бронзовую статуэтку Ники. Эту статуэтку она и Алексей покупали вместе совсем недавно в комиссионном магазине на Арбате. Алексей до странных мелочей помнил, как это произошло. Тогда ему внезапно показалось, что в покупке есть что-то символическое: когда-нибудь Нонна смирится и примет его любовь. И знаком этого смирения будет Ника, которую Нонна подарит ему. Он даже помнил, как в магазине какой-то пожилой чудак заговорил с Нонной, и Нонна, полуиспуганно, полукапризно, попросила помощи:

— А-ле-ша! Помогите мне!

Кажется, Алексей оттолкнул пожилого чудака, даже не поинтересовавшись, чем он обидел или оскорбил Нонну. И тогда же, принимая из рук Нонны завернутую статуэтку, спросил:

— А вы подарите мне эту Нику?

И Нонна с внезапным значением ответила:

— Если вы будете победителем!

Она, как видно, забыла или вовсе не знала, что Нике молились до победы, и являлась она как провозвестница победы, предвещая ее. После победы богиню везли в обозе среди всякого награбленного у побежденных барахла...

Тогда он смирился, не стал объяснять, что именно в тот тяжкий миг сомнения, переживаемый им из-за Нонны, ему больше всего и нужна была Ника. Он принял Ноннино вероисповедание: оставалось дожидаться случая, когда его победа окажется настолько явственной, чтобы он мог прийти к Нонне и заявить: «Я победил!»

Но что делает Нонна? Она прошла через комнату как слепая, неся Нику на вытянутой руке, остановилась перед Бахтияровым и медленно, как в трансе, едва роняя слова, произнесла:

— Позвольте вам подарить эту вещь! Вы действительно достойны Богини Победы!

И Бахтияров, вдруг преобразившись, вскочил с горящими глазами, опустился на одно колено и прильнул губами к руке Нонны — ни дать ни взять средневековый рыцарь, принимающий награду на турнире из рук дамы. Взяв статуэтку, он поставил ее на столик рядом с собой, долго молча любовался старинной бронзой, не слушая ни внезапно зашумевшего разговора, ни шуток. И только значительно позже, то ли вновь становясь самим собой, то ли, наоборот, пряча себя от всех, совсем в другом тоне, как-то слишком оживленно воскликнул:

— А не выпить ли нам, друзья, за будущие победы? Ведь каждый из нас надеется стать победителем! — И, внимательно взглянув на Алексея, но тут же отведя взгляд, уже обращаясь ко всем, пошутил: — Я нечаянно принес полный портфель бутылок... Очень удобное вместилище, особенно если ты стал полуответственным...

И во весь этот вечер больше не сказал ни слова о своих идеях. Алексей просидел еще час или полтора, совсем как в аду, где, как известно, поджаривают грешников на сковороде. И когда показалось, что никто не свяжет его ухода с подарком Нонны, что обида его прошла незамеченной, тихо ускользнул, как и подобает побежденному.

Но сумасбродная мысль Бахтиярова вонзилась в сознание, как гвоздь.

Порой даже думалось, что, несмотря на обиду, он мог бы поговорить с Бахтияровым о его идеях. Впрочем, он знал: Бахтияров редко кого удостаивал откровенностью.

Может быть, в нем и на самом деле таился исследователь, мыслитель, которого время направило по другому пути? Ведь надо же кому-то строить реакторы, создавать бомбы, так как американские то и дело взрывались на тихоокеанских просторах, конструировать первые атомные ледоколы и подводные лодки... И делали это не просто инженеры, не просто практики, а, очень возможно, создатели новых теорий, которые могли быть «достаточно безумными», чтобы открыть новое видение мира. Только этим людям так и не хватало времени упорядочить свои мысли, даже просто записать их. Но тогда Алексей этого не думал, тогда он считал практиков, строителей, испытателей всего лишь исполнителями. А вот во время этой неожиданной встречи с мраморным Бахтияровым, стоявшим над своей могилой в позе знающего, что-то уже открывшего мыслителя, Алексей вдруг понял, как был несправедлив к нему, как невнимателен к его таланту.

Может быть, Алексей просто завидовал его силе и здоровью? Сам-то он все еще оставался слабым...

Но мраморный Бахтияров много рассказал ему и о Нонне. Он мог быть уверен в верности жены. Нонна никогда не покинет его. Вот успела же увековечить мертвого в мраморе. А вот скамейка, тоже мраморная, где она, оказавшись в Москве, наверно, часто сидит, разглядывая это сильное, освещенное живыми солнечными лучами мраморное лицо. Может быть, разговаривает с ним. Конечно, безмолвно. Кто говорит со своей памятью в полный голос?

Алексей больше не ходил на кладбище. Он ревновал Нонну и к мертвому.

Но вот прошло пять лет, и она совсем вернулась в Москву.

Что это значит? Она выполнила долг перед покойным? Или устала от памяти? Ведь Нонна так молода! Если Алексей не женился до сих пор, хотя ему уже под тридцать, это еще можно считать естественным. Ну, не нашел. Не успел. Боялся. Все холостяки находят себе какое-то оправдание. Но ведь Нонне двадцать шесть! В эти годы она должна иметь свой дом, воспитывать своих детей. Недолгое счастье с Бахтияровым, конечно, не дало ей всей полноты жизни. Детей не было. Может быть, она думает теперь об этом? Может быть, стремление к новому счастью и привело ее в родительский дом?

Вот о чем думал Алексей, приближаясь к дому, в который так долго боялся заходить. И совсем забыл он о пророчестве Чудакова. Да и при чем тут какие-то элементарные частицы, когда снова начинает болеть сердце, будто и не было этого промежутка времени между ним и Нонной длиной в пять лет. И с Бахтияровым посередине. И, уже совсем подойдя к дому, когда стали видны сложенные из разноцветных плит стены, Алексей вдруг повернулся и быстро пошел обратно. В эту минуту он боялся одного: чтобы кто-нибудь из идущих в гости к Красовым не увидел его. Слишком это было похоже на трусливое бегство.

Продолжение следует.

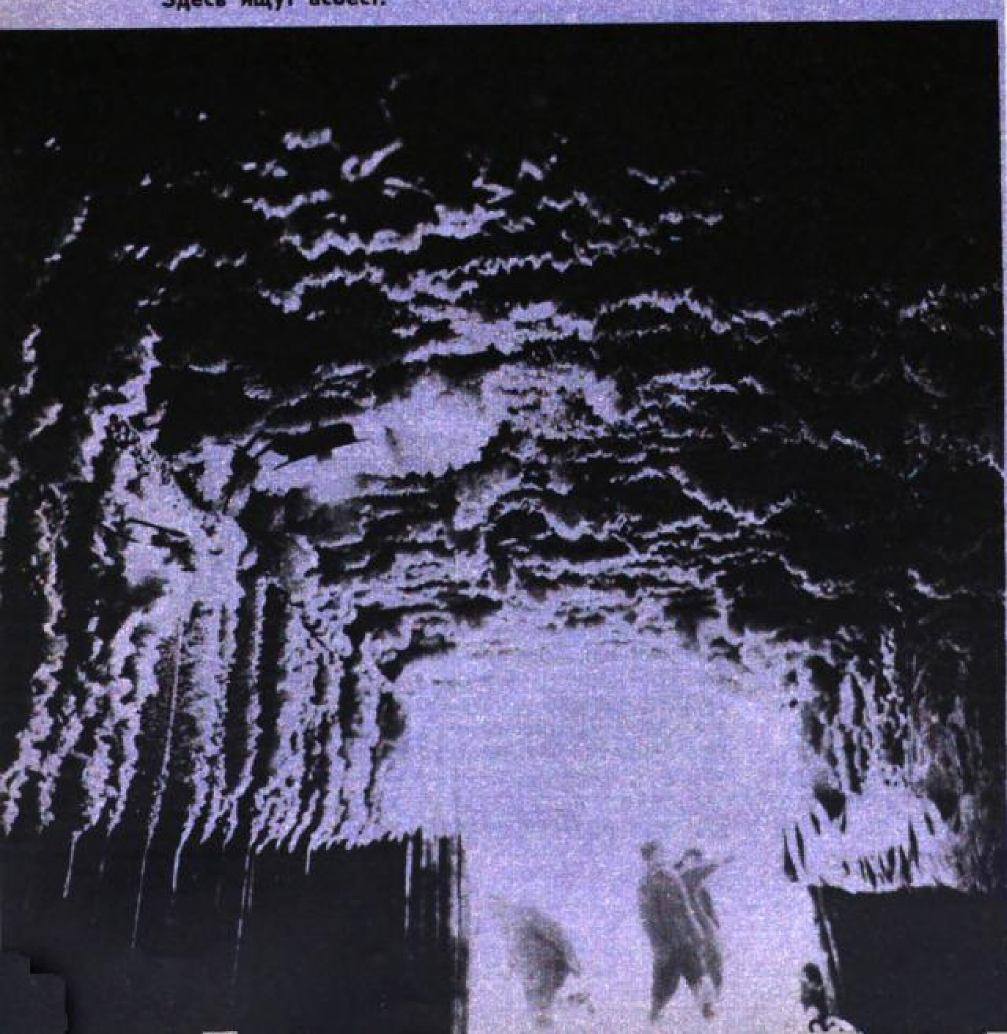

В штольне — проходчики Менир Усманович Абушаев (слева) и Федор Иннокентьевич Рогов.

Г. ВЛАДИМИРОВА

ХОЗЯЕВА ШЕЛКОВОЙ ГОРЫ

Здесь ищут асбест.

Мы быстро добрались из Багдарина, райцентра на севере Бурятии, в поселок Молодежный. Так называется место, где совсем недавно обосновались геологи. По пути туда насмотрелись на бесконечные сопки, такие же белесые, как небо.

Поселок как поселок: двадцать домиков, столовая, баня, кузница и клуб, прижавшиеся к горе. Появился Молодежный, и существует он ради того, что открыли в той горе. Ее сокровища не сверкают, как алмазы, не блестят, как золото, а людям они очень нужны. Добываются они просто, в крупных открытых карьерах. Но до них еще надо добраться. Они высоко на горе.

Узкая обледенелая дорога над пропастями крутым серпантином карабкается вверх. Все выше и выше, к скалам, закрывающим горизонт. Помните кинофильм «Плата за страх» и шоферов, везущих баллоны с нитроглицерином? Водители называют местную дорогу тоже «платой за страх». Только возят они не взрывоопасное вещество, а самое дорогое, что есть на земле,— людей. С работы и на работу. И еще возят продукты верхнему поселку, взрывчатку и почту. Натруженно гудят, хрипят, захлебываются в метелях и буранах грузовики. Запахивают тулупы, жмутся друг к другу в кузовах бурильщики. Дышать тяжело. Легким на высоте не хватает кислорода.

А летом бывает иногда похуже, чем зимой, шалят реки.

В последних числах июня захмелевший от ливня большой Витим подпер Мую. Река выбросила в ложбины бурные потоки. С бешеной скоростью ринулись они вниз, сметая все на своем пути. С грохотом перекатывались огромные валуны. Дорогу на месторождение размыло. Полетели мосты и опоры линий высоковольтной передачи. Верхний рабочий поселок оказался отрезанным не только от нижнего, но и от всего мира. Пять домиков на горе погрузились в темноту. Затопило Молодежный. Вода унесла бочки, ящики, буровые коронки.

Григорий Константинович Пономарев, начальник геологоразведочной партии, обосновался в лодке. Отталкиваясь шестом, он лавировал меж домов, погруженных в мутную воду, и отдавал распоряжения. По радио вызвали авиацию. И хотя погода была нелетная, вертолетчики все-таки прорвались и вывезли всех женщин и детей.

Два дня буйствовала стихия, а налаживать жизнь пришлось два месяца. Самым трудным оказалось восстановить дорогу. Вернее, не восстановить, а найти и проложить новую трассу. Старая превратилась в хаос каменных нагромождений и расселин. О ней не могло быть и речи. Все надо начинать сначала. На работу заступали в шесть утра. Никто не имел права спуститься вниз без личного разрешения начальника партии. На руках несли наверх взрывчатку и еду. На себе пришлось тащить опоры для мостов и линии электропередачи...

Сейчас по новой дороге, узкой и обледенелой, не менее трудной, чем старая, снова газуют, надрываясь, грузовики. Буровой мастер Иван Васильевич Давыдов, забравшись в кузов, хмурится. Тридцать лет сердится он на погоду, которая так немилостива к первопроходцам. И тридцать лет не может уйти от геологических дел. Золото искал... Редкие металлы, молибден. А теперь вот... Но что, собственно, нашел он здесь, в этой горе, на которой живут пять дней недели и только на шестой добираются до дому?

Там, наверху, где буровые вышки лепятся к скалам, геолог Петр Асташев показал нам какой-то камень. Он не был похож ни на мрамор, ни на гранит, ни на кварц. Он состоял не из кристаллов, а из множества тончайших и гибких цвета льна-сырца шелковистых волокон, спрессованных друг с другом в тяжелую, плотную массу.

Петр поддел камень на крюк и всунул его в жаркое пламя костра, который развели водители. С камнем ничего не сделалось. Ни одна из его нежных ниточек не отделилась и не обуглилась, а вот огонь вел себя странно. Он как-то деликатно обтекал камень, будто хотел избежать с ним встречи.

— Древние греки почему-то назвали асбест неугасимым,— задумчиво произнес геолог.— А ведь он никогда и нигде не горел. Из этого минерала ткали жрецам одежды, и они были вечными. Рассказывают, что Демидов привез однажды с Урала в подарок Петру Первому белоснежную скатерть. Когда гости разгулялись, он сдернул ее со стола и сунул в печку. Но скатерть, к удивлению царя, не загорелась. Она была из асбеста.

Легенд про асбест не счесть. В наши дни он вездесущ — от электрического утюга до космических аппаратов,— и это уже не сказки. Противопожарные костюмы и театральные занавесы, асбошифер и огнестойкие краски. Телефонный кабель и почтовые мешки. Трубы и изоляционные прокладки, без которых не может обойтись самолет, трактор, электрическая машина. Таким он стал незаменимым потому, что негорючесть — только одно из его удивительных свойств. Он стоек к воде, морозу, кислотам, не проводит электричество.

Советский Союз располагал ранее одним мирового значения месторождением асбеста — Уральским, у станции Баженова. В последние годы появились новые месторождения, одно из них очень мощное — Молодежное в Бурятии. Качество шелковистого минерала, обнаруженного здесь, очень высокое. В нем преобладают лучшие текстильные сорта, так называемый «крюд».

Все больше становится вышек на труднодоступной горе. Быть тут комбинату! Раскинется здесь не поселок, а целый город. Для него уже и место облюбовано — в большой и тихой, заслоненной от ветров долине.

Фото
Г. КОПОСОВА.

За перевалом перевал...

Камень, из которого будет соткано негорючее полотно.

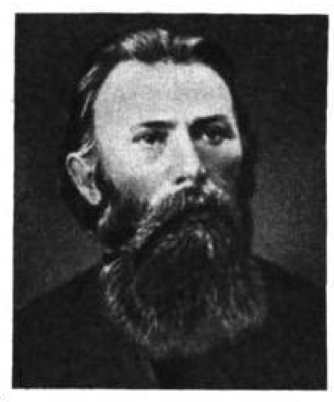
Сколько исхожено километров по тайге буровым мастером И. В. Давыдовым! Сколько отыскано кладов! На эти вопросы затруднится ответить и сам Иван Васильевич.

Колонна остановилась на отдых.

ПОЭТ НЕКРАСОВСКОЙ ШКОЛЫ

К 125-летию со дня рождения И. З. Сурикова

Давно уже поистине на родной стала песня про тонкую рябину, которая в печальном одиночестве тянется к высокому дубу:

> Нет, нельзя рябинке
> К дубу перебраться!
> Знать, мне, сиротинке,
> Век одной качаться...

А у песни этой есть свой автор. Это талантливый поэт-самоучка, выходец из крепостных крестьян Ярославской губернии, Иван Захарович Суриков. Им же написаны и многие другие песни, живущие уже не одно десятилетие в народе: «Точно море в час прибоя» («Казнь Стеньки Разина»), «Эх ты, доля, эх ты, доля, доля бедняка», «Сиротой я росла» и т. д. Чудесное лирическое стихотворение «Занялася заря» привлекло к себе внимание П. И. Чайковского, и он положил его на музыку. Обращались к творчеству поэта композиторы Ц. Кюи и А. Гречанинов.

Широкую известность завоевало стихотворение И. З. Сурикова «Детство»:

> Вот моя деревня;
> Вот мой дом родной;
> Вот качусь я в санках
> По горе крутой...

Почти целое столетие оно не сходит со страниц школьных хрестоматий. Его разучивали и наши деды и прадеды. До сих пор не потеряло оно своей прелести.

Всю свою жизнь Суриков провел среди городской бедноты, рано испытав все ужасы полунищенского существования. Он и слесарничал, и торговал углем, и стоял за наборной кассой в типографии. Живя в Москве, Суриков познакомился с А. Н. Плещеевым, автором боевого гимна революционно-демократических кругов России того времени «Вперед! Без страха и сомненья!». С его помощью Суриков начал печататься в разных журналах. Одно из его стихотворений, «Вставай, товарищ мой! Пора!», появилось на страницах «Отечественных записок».

Творчество Сурикова носило демократический характер, героями его стихов были бедняки, люди-труженики. Он писал и о рабочем человеке, которого не в силах сокрушить никакое горе, и о бедной больной швейке, мечтающей о покинутой навсегда родной деревне, и о молодой батрачке, вынужденной работать в поле под знойным солнцем на хозяина-живоглота, и о сельском мальчугане, попавшем на прядильную фабрику в Питере и превратившемся в калеку.

И. З. Сурикова с полным основанием можно отнести к поэтам некрасовской школы, посвятившим свою лиру беззаветному служению народу, выражавшим его чаяния и стремления. И ошибочно считать Сурикова певцом «безысходной печали», как иногда называли его некоторые литературоведы. В основе своей творчество его жизнерадостно и жизнеутверждающе:

> Пусть солнце просветит
> на долю мою
> И вынет из сердца отраву,
> Я песню иную тогда запою
> Блестящему солнцу во
> славу.

Так писал Суриков, завещая свои горькие песни, рожденные окружавшей его действительностью, будущему, счастливому поколению.

Советский народ бережет творческое наследие И. З. Сурикова. Его стихи издавались в серии «Библиотека поэта», выходили массовыми тиражами в Москве, Ленинграде, Ярославле. В Ярославской области, на родине поэта, один из передовых колхозов вот уже более тридцати лет носит имя Ивана Захаровича Сурикова.

А главное, живут в народе его простые и безыскусные песни. И это — лучшее признание его светлого таланта.

Павел ЛОСЕВ

О ДРУЗЬЯХ БОЕВЫХ ЛЕТ

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Перед нами рассказы Владимира Богомолова: два больших, почти повести, и три очень маленьких, миниатюрных. Но все они посвящены событиям и судьбам одного и того же круга, в каждом из них выступает рассказчик, ведущий речь о своих друзьях, о людях той же трудной и высокой доли. Это не сборник произведений, случайно оказавшихся рядом, под общим переплетом, а настоящая книга — целостная и последовательная, имеющая единую основу, рожденная глубоким, сильным чувством любви и скорби. Любит рассказчик своих боевых товарищей и скорбит о тех, кто остался на полях сражений, не вернулся к своим близким.

Однако писатели, с уважением вспоминающие павших друзей, обычно не распространяются о своих чувствах, а стараются воплотить то, что их волнует, в напряженности сюжета, в естественном течении повествования и более всего в живом развитии характеров. Так же поступает Владимир Богомолов и достигает при этом немалых успехов. Образы, им созданные, исполнены обаяния, оставляют добрый и прочный след в памяти читателя.

Рассказ «Иван», напечатанный несколько лет тому назад на страницах журнала «Знамя» и затем экранизированный, получил широкую известность не только в нашей стране, но и за ее рубежами. А все же, перечитывая его сейчас, обнаруживаешь здесь и новое, прежде не подмеченное, не оцененное по достоинству,— так обычно и бывает при встречах с подлинными произведениями искусства, охватывающими большое жизненное содержание. Поражаясь решимости и стойкости маленького Ивана, восхищаясь его героизмом и горюя о его разбитом, окровавленном детстве, мы следили более всего за его поступками, вслушивались в его слова. Эти впечатления, конечно, не потеряли своей остроты поныне. Но теперь внимательнее присматриваешься и к тем, кто окружает Ивана, руководит им, помогает ему. И видишь: необычайная, исключительная история юного разведчика как бы вводит нас в огромный, просторный мир истинно человеческих отношений — благородных и чистых. Какой в самом деле нежностью, заботой да и уважением окружают подростка воины разного возраста и звания! Как плотна и надежна среда, принявшая Ивана, признавшая его своим!

Скромный и смелый Катасонов — «Катасоныч», как его ласково зовут в дивизии, лихой капитан Холин, сдержанный, серьезный подполковник Грязнов, наконец, сам рассказчик, лишь ненадолго встретившийся с Иваном, но так и не сумевший его забыть,— все это люди, ведущие справедливую войну и потому выполняющие свой трудный воинский долг с совершенной нравственной свободой, не поступаясь ни одним добрым чувством и свойством. Притом любой из них посвоему интересен и значителен.

Именно это ощущение ценности человека, обаяния личности, живущей вольно, увлеченно, широко, чуждой эгоизма и мелочности, сближает «Ивана» со вторым большим рассказом Богомолова — «Зося». А ведь здесь идет речь об иных, куда более веселых событиях и мирных чувствах. Молодые офицеры и солдаты на несколько дней как бы выхвачены из боевой, уже привычной им обстановки. Первая любовь и поэзия, упования и мечты — все эти прекрасные побуждения молодости тотчас заявляют о себе, вступают в свои права. Не то чтобы война вовсе отступила в тень — нет, она напоминает о себе ежедневно и ежечасно,— освободительный поход Советской Армии продолжается, возникают и новые задачи, воспитательные... Но это лишь сообщает повествованию дополнительную жизненность, достоверность. Оно насыщено различными мотивами, которые в конце концов связываются в единый пучок, образуют крепкий сгусток желаний, воль, надежд.

Снова перед нами индивидуальности несхожие, разные: стоит хотя бы сопоставить застенчивого, мечтательного рассказчика и его друга, размашистого, напористого, неуемного Витьку, он же Герой Советского Союза Виктор Степанович Байков... И вместе с тем это люди одной и той же великолепной породы, они могут быть великодушными и беспощадными, способны совершать большие дела и остро переживать, напряженно думать... Дружба с ними — настоящее счастье, их гибель ранит сердце. И потому так красноречив крохотный рассказ «Кладбище под Белостоком», в котором старые-старенькие поляки — он и она — склоняются над могилкой, где пятнадцать с лишним лет назад был похоронен «улыбающийся мальчишка... гв. сержант Чинов И. Н. 1927—1944 гг.».

Про таких мальчиков, вместе со своими отцами и старшими братьями победивших фашизм, освободивших народы, и рассказывает Владимир Богомолов — талантливо, умно и сердечно.

И. ГРИНБЕРГ

В. Богомолов. Сердца моего боль. «Советская Россия». Москва. 1965.

ЛЕСТНИЦА К СЧАСТЬЮ

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

Совсем не на пересечении больших путей стоит литовский хутор Жвирблюнай, ставший основным местом действия героев романа Миколаса Слуцкиса «Лестница в небо». Железная дорога проходит мимо него, за лесом, и даже с малопроезжего проселка надо сделать поворот, чтобы попасть в усадьбу Индрюнасов.

Но не тишина и покой, которые непременно бывают в таких местах, властвуют на Жвирблюнае. Хутор оказался на главном направлении самой Истории, свою дорогу она торит через его жизнь, через сердца и судьбы людей. И торит бескомпромиссно.

События романа происходят вскоре после Великой Отечественной войны. Как быть, в какую сторону идти? — этот вопрос неотразимо встает и перед старым Индрюнасом — Пятрасом, и перед его женой Анелей, и перед молодым поколением — Рамуне и Юргисом, перед многими. Не все действующие лица одинаково способны разобраться в своем завтрашнем дне.

Если для председателя волости Алексаса Алексинаса будущее — и не только лично свое — достаточно ясно, то для Пятраса оно еще закрыто туманом. Пятрас не эксплуататор, но собственник, и власть собственничества, утверждавшая себя над ним годами, настолько сильна, что Пятрас, кажется, не в состоянии ее преодолеть. Но он, повторяю, не эксплуататор, он середняк, и автор исследует в романе исторические судьбы крестьянства.

На состояние умов героев влияет не только сила собственнической психологии, но и то, что послевоенная жизнь в округе еще не нормализовалась. Чинят расправы, грозят убийствами «лесные братья», «зеленые», а попросту — бандиты. Живы, затаились отщепенцы вроде офицера старой литовской армии Шаткаускаса. Писатель раскрывает душевную драму своих персонажей, особенно сильную драму старого Пятраса. Сколько раздумий, сомнений, какое упорство в отстаивании старого!..

Душевная драма Пятраса нарастает оттого, что он не осознает ненадежности того благополучия, которое дает ему положение хозяина своей земли, своих свиней, своей картошки. Ведь сам он трудится целыми днями, не разгибая спины, от натужной работы раньше времени состарилась, заболела его жена.

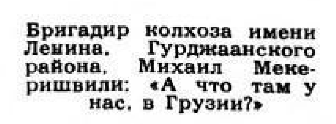
А вот Рамуне пойдет дорогой нового, как и Алексинас, как и Яунюс. Да пойдет ею и сам Пятрас. Путь его будет сложным, трудным, во многом мучительным, но старый Индрюнас будет со всеми. В неизбежности нового — идейный пафос романа. Лестница в небо? В счастье! Любой человек может обрести такую лестницу — такова позиция автора.

В романе прослежены сложные судьбы, большие человеческие драмы. Как подлинный реалист и настоящий художник, М. Слуцкис не идет ни на какие «благополучные» ситуации за счет правды жизни. В произведении много динамики. Глубина психологического анализа, пожалуй, самое характерное для художественной манеры писателя. Наблюдения его над движениями человеческой души оригинальны, а выводы, как правило, точны. И языковую манеру автора не спутаешь ни с чьей другой; правда, порой язык излишне усложнен.

События романа «Лестница в небо» развертываются в течение нескольких дней. Но впечатление такое, что перед тобой прошла длинная, очень длинная пора сложной и трудной жизни. Так много вместили в себе страницы этого произведения.

И. КОЗЛОВ

Миколас Слуцкис. Лестница в небо. Роман. Авторизованный перевод с литовского З. Куторги. «Советский писатель». Москва. 1965.

Бригадир колхоза имени Ленина, Гурджаанского района, Михаил Мекеришвили: «А что там у нас, в Грузии?»

→ «Украина». 8 часов утра.

ОТ СЕМИ ДО ДЕВЯТИ

А. БОЧИНИН, О. КУПРИН

Когда просыпается гостиница «Украина»? В обычные дни — с 8 до 11 утра. Сейчас, когда в гостинице живут делегаты XXIII съезда КПСС, в десять утра номера, коридоры, вестибюли уже пусты. У жителей этого громадного дома ныне одна работа и одно рабочее место — зал заседаний съезда партии.

Мы пришли в семь утра. «Украина» уже проснулась. Первое интервью с Насором Нагматовым и Джурабаем Муминовым.

— А у нас уже десять часов.

— Где у вас?

— В Таджикистане.

Насор — машинист экскаватора из Нурека, Джурабай — бригадир проходчиков с Карамазарского рудника. Но разница во времени не самая главная причина столь раннего подъема.

— Когда много впечатлений, спать не хочется. А таких волнующих дней, как сейчас, у нас еще не было. Вы, конечно, про Нурек слышали, про то, как Вахш перекрыли? Это наш подарок съезду,— говорит Насор.— В докладе товарища Брежнева про нашу республику сказано: за пять лет увеличился выпуск промышленной продукции на пятьдесят четыре процента...

Мы, конечно, об этом знаем,

ИХ

Н. БЫКОВ

Фото Д. Ухтомского.

Александр Иванович Косицын (в центре) накануне отъезда в Москву беседует с молодыми специалистами — инженерами с Запорожского автозавода Э. И. Хреновым и О. В. Усольцевым.

«Конечно, и на съезде я буду со своими товарищами по работе. А ребята, оставаясь в цехе, уверен, мысленно будут вместе со мной, в Кремле».

Так заканчивал свое письмо в предыдущем номере нашего журнала бригадир слесарей-наладчиков с Горьковского автозавода Александр Иванович Косицын, делегат XXIII съезда КПСС.

Наши специальные корреспонденты ведут репортаж оттуда, где трудятся товарищи А. И. Косицына, — из ИШК — инструментально-штампового корпуса Горьковского автозавода.

Мы хотим рассказать вам, Александр Иванович, как работают в эти дни люди, которых вы хорошо знаете. Прежде всего о самом главном: поздравляем! И вы и ваши друзья слово сдержали — план квартала выполнен к 30 марта! За три месяца новой пятилетки автозаводцы дали сверхплановой продукции на миллионы рублей.

Мы были на заводе в эти последние мартовские дни и видели, как Александр Иванович Косицын готовился к отъезду в Москву. Ни минуты для разговоров. У Косицына времени было меньше, чем у других, а обязанностей больше. Ведь у Александра Ивановича, как у всех рабочих, была своя программа, кроме того, он еще и бригадир. В те же дни конца марта началась и сессия областного Совета депутатов трудящихся, а он депутат. И еще Косицын — партгрупорг...

...И вот 29 марта. Перед обедом рабочие слушали радиопередачу из Москвы об открытии XXIII съезда КПСС.

Завод, корпуса и цехи празднично украшены. Алый транспарант призывает увеличить в 1966 году выпуск автомобилей на 10 процентов! Съезд в своих Директивах утвердит пятилетку автомобилестроителей всей Советской страны.

В то утро мы присутствовали как бы на старте пятилетки Горьковского автозавода. Бригада слесарей И. Сидоршина еще в феврале отладила главный кондуктор для сварки кузова «Запорожца», а ко дню открытия партийного съезда изготовила второй главный кондуктор. Отлажен кондуктор и для Минского автозавода. «Молнии», «молнии»! Они рапортуют о выполнении предсъездовских обязательств!..

Полдень. Снопы солнечного света косо падают на станки экспериментального цеха ИШК. Замелькали среди станков алые галстуки, белые блузки и рубашки. Пионеры в цехе? Да, это дети слесарей, токарей, шлифовщиков приехали к родителям. У ребят тоже праздник. Рабочие и работницы цеха взволнованы необычным посещением. Кажется, не станки поют, а горны пионерские трубят сбор!

но не перебиваем его. Все понятно: человек не может не говорить о том, что его волнует.

...Должно быть, не часто с поднебесья гостиницы в лифтах спускаются такие созвездия. Три Золотые Звезды, пять орденов Ленина, медали, медали... И все одним рейсом. А пассажиров только два. Вернее, две. Две маленькие женщины. Мария Александровна Брынцева — дважды Герой Социалистического Труда — из крымского совхоза «Коктебель».

— Мы очень торопимся,— говорит она.— До начала еще почти три часа. Но мы спешим. Скорее в Кремль. Очень тянет туда.

— Приезжайте к нам в «Южный»,— приглашает ее спутница Герой Социалистического Труда Александра Павловна Гетьман.— Увидите много интересного. За семь лет совхоз наш в три раза вырос. Двухэтажные дома. А наша птицефабрика! Узнаете, что такое техника. Одна птичница выращивает по 25—30 тысяч птиц.

И снова Брынцева:

— Очень приятно было слышать, как партия наша вопрос о пенсиях колхозникам ставит... Справедливо!

...У киоска «Союзпечать» многолюдно. Тут газеты всех республик, на всех языках. Первые полосы разных газет очень похожи. Всюду крупная цифра «XXIII» — символ самого важного события страны. Съезду партии посвящают советские люди свои сегодняшние успехи, свои победы, свою радость. И люди вокруг нас сегодня радостные, бодрые.

Мария Сидун, слесарь, делегат из Луцка: «Мои планы? Работать еще лучше...».

У председателя колхоза «Совет Туркменистаны» Мурагберды Сопиева настроение особенно приподнятое.

— Звонил вчера в колхоз. Все там хорошо идет. Я о съезде рассказал. Когда сказал, что партия придает сельскому хозяйству первостепенное значение, довольны были очень. А за нами дело не станет! Привет просили земляки передать Москве.

Теперь наш путь в гостиницу «Минск». Восемь часов утра.

— У нас прописаны сегодня Волга и Сахалин,— улыбается администратор.— Поздно вы приехали. Сахалин уже отправился в Кремль. Сейчас и Волга туда же...

Александр Григорьевич Калачев — волжанин, начальник Жирновского районного сельскохозяйственного управления. С ним мы познакомились, когда он уже надевал пальто.

— Задержался немного. Домой звонил.

— Какие новости дома?

— Хорошие. План первого квартала перевыполнили и по мясу, и по молоку, и по яйцам.

— Намного?

— Да. По мясу — в полтора раза.

...У театральной кассы высокий мужчина с почетным знаком лауреата Государственной премии. Знакомимся: начальник строительства Саратовской ГЭС Николай Максимович Иванцов.

— Слышали, как в отчетном докладе сказано о сборном железобетоне? Мы его широко используем и с большой выгодой.

— А Государственную премию вы получили за что?

— За Волго-Дон.

Стрелка часов стремительно летит к девяти. Темп нашего интервью приобретает телеграфный стиль. Наш собеседник, уже прощаясь, говорит, что в Москве у него масса встреч в научно-исследовательских и проектных институтах.

Холл гостиницы опустел.

Крымское созвездие — М. А. Брынцева.

МАНДАТЫ

Денис Иванович Вершинин — человек творческий.

Возле слесаря Виктора Федоровича Димакова сразу три девочки. Дочери! И все три отличницы. Говорят, и папа не отстает: кончает 3-й курс автомеханического техникума. Учиться никогда не поздно, а папа у девочек Димаковых вон какой молодой!.. Рядом слесарь Юрий Алексеевич Алешин — дипломник дизелестроительного техникума. И у него дочь — отличница. В этом цехе учится каждый третий. Либо в техникуме, либо в институте. И это тоже своеобразный рапорт съезду партии.

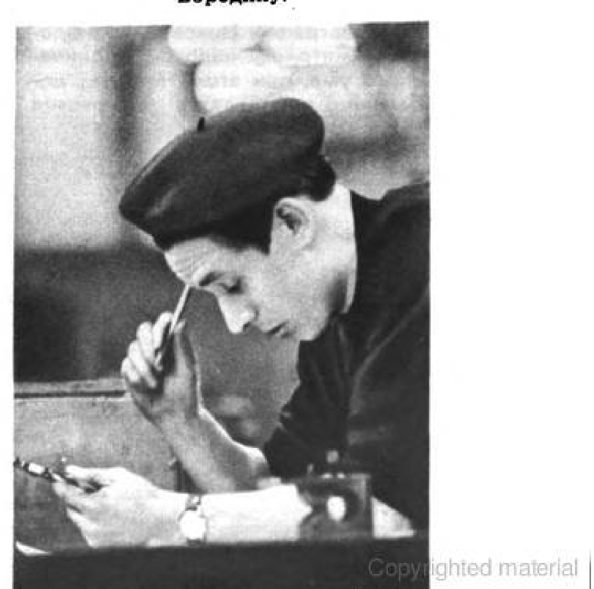
После обеда зазвучали на автозаводе настоящие медные трубы. И грянули аплодисменты. Развернулось бархатное полотнище, поплыло над головами, над спецовками... Коллективу ГАЗа 29 марта было вручено Красное знамя победителей в предсъездовском соревновании, знамя Горьковского обкома партии и облисполкома. Тепло и торжественно было в этот момент в Доме культуры автозавода.

На заводе мы беседовали со многими товарищами делегата партийного съезда А. И. Косицына. Вот кавалер ордена Ленина Александр Михайлович Грошихин—мастер по заточке резцов. Комсорг Владимир Бородин — виртуоз в своем деле: микрон допуска! Денис Иванович Вершинин — один из лучших токарей. Отчаянный любитель мотоцикла, весельчак в походах, Денис Иванович серьезен и молчалив у станка. А самый его станок, наверное, мог бы стать предметом специального исследования — столько здесь разных приспособлений. Вершинин — человек по-настоящему творческий. Очевидно, поэтому Денис Иванович молод и душой и внешне — никак не дашь ему сорока лет. Здесь же рядом работают жена Зоя Ивановна и дочь их Надя, выпускница технического училища. И еще три его брата — Иван, Андрей, Борис. Дети солдата, не вернувшегося с Великой Отечественной войны, замечательные люди, рабочие высокой квалификации, прирожденные общественники.

Дни работы съезда стали днями нового трудового натиска. Победно звучал неумолчный гул станков, одна за другой сходили с конвейеров новенькие «Волги» и другие машины ГАЗа.

29 марта... Вторник. Первая смена, вторая... Обычный рабочий день. Нет, день необычный! День трудового отчета автозаводцев XXIII съезду КПСС, день радостных итогов, серьезных раздумий над проблемами завтрашнего дня. И автозаводцы—мы видели это—голосуют за то, чтобы эти проблемы были решены быстро и до конца. Их товарищ, коммунист и бригадир А. И. Косицын, голосует во Дворце съездов, в Москве. Высоко поднят его мандат. У тех, кто остался в цехе, в корпусе, на заводе, свои мандаты. У Вениамина Колоскова — это метод пенополистироловых моделей, у Дениса Вершинина — скоростное резание, у Володи Бородина — высший класс точности шлифовки; у Юрия Холодова — новый штамп и пятерка в вечернем институте... Нам кажется, что там, во Дворце съездов, делегат Горьковской областной партийной организации Александр Иванович Косицын непременно вспоминает их всех и, быть может, не раз уже подумал: «Как там мои автозаводцы?..» Голосуют автозаводцы! За новую пятилетку, за лучшую жизнь!

— Микрон допуска!—Тут есть над чем подумать шлифовщику Владимиру Бородину.

Тепловые электростанции
Гидроэлектростанции
Атомные станции
Черная металлургия
Цветная металлургия
Горнорудная промышленность
Добыча угля
Добыча нефти
Добыча газа
Химическая и нефтеперерабатывающая промышленность
Машиностроение и металлообработка
Промышленность стройматериалов
Лесная и деревообрабатывающая промышленность
Легкая промышленность
Пищевая промышленность
Добыча алмазов
Строящиеся железные дороги
Электрифицируемые железные дороги
Нефтепроводы
Газопроводы
Паромная переправа
Морские порты
Каналы
Мосты

У КАРТЫ РОДИНЫ

Ник. КРУЖКОВ

Мальчишками мы знали: Россия — одно из самых больших государств на земле. Это наполняло наши ребячьи сердца восторгом. В самом деле, на карте земного шара, висевшей в классе, огромной площадью лежала страна, именовавшаяся: «Россiйская Имперiя». Наш учитель географии Николай Леонидович Дмитриев, человек иронического ума, при этом иногда добавлял, посмеиваясь в рыжие пышные усы:

Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь!

Мы недоумевали: могучая и бессильная? Как это понять? В разъяснения Николай Леонидович не вступал — это уж было бы опасно для преподавателя казенной гимназии. Впрочем, сама жизнь довольно скоро научила нас разбираться в этой, казалось бы, противоречивой формуле.

Действительно, Россия, населенная народами деятельными и энергичными, простершаяся от Балтийского моря до Тихого океана, земли которой были полны несметных богатств, лежавших большей частью втуне, являлась и могучей и бессильной одновременно. Царская власть с ее удар-ерыгиными и угрюм-бурчеевыми, помещики дракины и головлевы, капиталисты деруновы, разного рода балалайкины и ноздревы, собакевичи, фамусовы и молчалины — нечисть, так ярко выведенная Щедриным, Гоголем и Грибоедовым,— вот кто держал Россию в своих когтях, сосал ее кровь, порабощал ее умный народ.

Ровесники века, которым суждено было стать свидетелями и участниками величайших событий и величайших перемен на земле, воочию видели своими глазами если не их самих — щедринских, гоголевских, грибоедовских персонажей,— то их прямых наследников, таких же хищных, злобных, тупых, ничему не учившихся и не желавших учиться. Царская Россия давила Россию народную, была врагом ей. Пожилой человек, который сейчас говорит: «Я еще помню живого городового»,— помнит не только его, но и многое другое: и важных господ, милостиво подававших своим молчалиным один палец, и толстосумов-купцов, разъезжавших на ёкающих селезенкой раскормленных рысаках, и мужиков в лаптях, и полуголодный, замученный рабочий люд, и толпы нищих на улицах, и всю неправедную жизнь, в которой властелинами были чистоган и подлость.

Вдохновенные строки Александра Блока:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,—
Как слезы первые любви!—

вызывали у нас не только слезы, но и боль и стремление к борьбе.

И, может быть, ни у кого, как у нас, ровесников века, не вызывает столько отзвуков в сердце мысль о том, что сделано, что достигнуто, что свершено, о том, кем мы были и кем стали, и о том, какие горизонты раскрыты!

В жестокой, неистовой борьбе, в великих трудах и лишениях строили наши люди новую жизнь, освобождаясь от всего косного, мерзкого, тупого. Великий Ленин простер свою руку над страной, и звонкое русское слово «большевик» полетело по свету, став символом и маяком для всех угнетенных и порабощенных.

После гражданской войны, разрухи, голода, тифов, мора казалось, что нам не оправиться вовек, но в год-два поднялась страна, ведомая партией большевиков-ленинцев, и удивила мир! Еще больше удивился мир, когда из

края в край огромной страны закипело строительство заводов, фабрик, электростанций, шахт, рудников, городов — Россия нэповская превращалась в Россию социалистическую. На карте мира возникла новая великая держава — Союз Советских Социалистических Республик.

Европа пала перед гитлеровским нашествием, страна наша не только устояла, но и сокрушила лютого врага — уже была накоплена грозная сила, и она была пущена в дело со всей революционной энергией, на какую только был способен великий свободный народ. Разорение, вызванное войной с фашизмом, было тягчайшим. Зарубежные прорицатели решили, что мы надолго вышли из строя, но эти прорицатели осрамились так же, как в свое время осрамились их предшественники, предсказывавшие тысячу раз неизбежную гибель ненавистного им государства рабочих и крестьян.

Трудно было? Да, нелегко! Нам, всегда идущим в гору, к солнцу и свету, к новым далям и вершинам, никто не прокладывает путей — мы их прокладываем сами.

Кажется, совсем недавно появились в газетах заголовки: «Семилетка стартует». И вот она уже завершена, но завершена вовсе не для того, чтобы остановиться на этом; все, что сделано,— только исходный рубеж для нового движения вперед. Мы осматриваемся и подсчитываем, взвешиваем свои силы и возможности, разбираемся в итогах для того, чтобы не повторить ошибок и умножить успехи. Не для парада все это нужно нам, а для дела! Семь лет, более двух с половиной тысяч дней, выраженные в животворном созидании,— это космические полеты; десятки новых домен, мартенов, электроплавильных печей; тысячи километров электрифицированных железнодорожных путей, новые нефтяные промыслы в тайге; газопровод, несущий волшебную энергию из среднеазиатских недр на Урал; нефтепровод «Дружба», посылающий черную кровь земли с берегов Волги к берегам Вислы, Дуная, Шпрее, Влтавы; тысячи и тысячи новых домов во всех городах страны; сотни новых городов, поселков; электростанции Братска, Воткинска, Днепродзержинска, Бухтармы; каждый день семилетки вводилось в действие 100 километров линии электропередачи...

И вот уже новые предначертания ложатся на столы ученых и инженеров, проектировщиков и строителей, архитекторов и картографов — пятилетний план развития народного хозяйства, который должен быть завершен в 1970 году, к столетию со дня рождения великого Ленина, план, направленный на то, чтобы еще лучше жил наш народ и еще крепче и могущественней была наша держава.

...Николай Леонидович Дмитриев, скромный преподаватель географии, учил своих учеников любить карту, видеть в черных извилистых линиях серебряные струи рек, в подсиненных окружностях угадывать морские глубины, в зеленых площадях — лесные дебри и светлые рощи, в коричневых — горные хребты и вершины, в маленьких кружочках — города и поселки. Сквозь карту пробивалась сама жизнь со всем буйством ее красок.

Взглянем же на карту развития народного хозяйства, на планы новой пятилетки, обсуждаемые и принимаемые XXIII съездом КПСС. Пусть карта и схематична и недостаточно полна: сдержанность ее заключает в себе такой огромный размах человеческой энергии, что дух захватывает! И все это выверено на строгих весах расчетов, научно обоснованных выкладок.

Всмотритесь в нее, и вы услышите шум строек, увидите мириады огней новых электростанций, разглядите движение тысяч и тысяч людей, занятых созиданием. Тут заключены и будущие трудовые подвиги и планомерная ежедневная работа, в обыкновенности которой заключено необыкновенное величие.

К 1970 году почти половина всего угля будет добываться за Уралом. Новые железнодорожные линии соединят Среднюю Азию с европейской частью страны. От Сургута к Тюмени сквозь невылазные дебри ляжет железная дорога. На пустынном Мангышлаке ускоренными темпами будет создаваться новый район добычи нефти и газа. Пройдет газопровод от знойной Бухары до утопающей в садах Алма-Аты. Закипит жизнь на нефтепромыслах Западной Сибири, где промерзлая земля, покрытая лесом и болотом, скрыла от человека огромные богатства. Будет расти и развиваться добыча алмазов в далекой Якутии, где раньше лежали нетронутые, заснеженные просторы. Закончат строительство ГЭС в Саратове и приступят к сооружению ГЭС в Чебоксарах.

Более чем в два раза увеличится добыча руды в районе Курской магнитной аномалии. Между Сахалином и материком ляжет паромная переправа, а через широчайший Амур, у легендарного Комсомольска, воздвигнется мост. Сотни новых предприятий — химических, текстильных, лесообрабатывающих, машиностроительных, металлургических — появятся на карте СССР.

Нет такой республики в Советском Союзе, которая не была бы охвачена могучим созидательным процессом!

На Украине, в Латвии и Эстонии объем промышленного производства увеличится за пять лет примерно в полтора раза; в Белоруссии — в 1,7 раза, так же как в Казахстане, Литве, Молдавии; в Узбекистане, Грузии, Туркмении, Киргизии, Азербайджане — в 1,6 раза; в Армении и Таджикистане — в 1,8 раза!

Представьте все это зрительно, в виде сделанного: горы разнообразных химических продуктов, тысячи и тысячи тонн металла, бесконечные ряды новых, усовершенствованных станков и машин, миллионы метров тканей, могучие потоки электроэнергии! И все эти созидаемые богатства — для народа, для его блага!

...Если бы старый учитель географии увидел нынешнюю карту Родины, представлявшейся ему и могучей и бессильной, он с восторгом откинул бы последнее слово этой формулы. Нет, никак не похож нынешний Советский Союз, собратство свободных наций, несокрушимая социалистическая держава, на прежнюю Россию, где творческие силы великого народа сдерживались цепями тюремщиков и топорами палачей!

Ровесники века полны гордости за свой век!

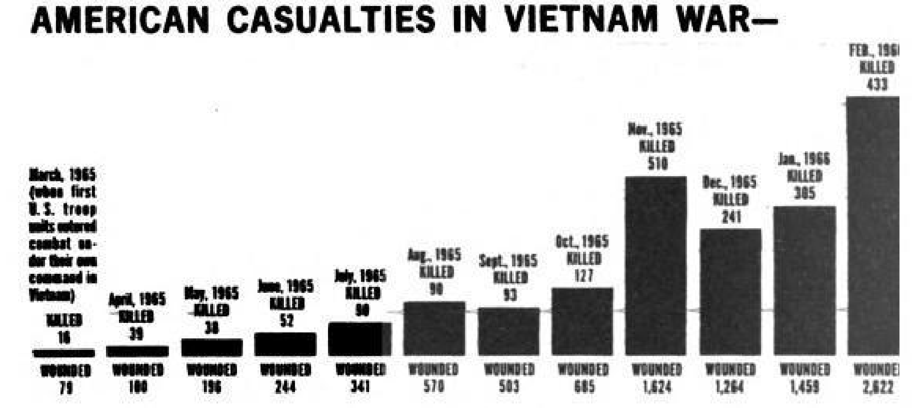
Нет! — войне во Вьетнаме

По городам США прокатились многотысячные демонстрации против грязной войны во Вьетнаме. В крупнейшем городе США, Нью-Йорке, на улицу вышли десятки тысяч людей. Это была одна из самых крупных демонстраций за всю историю города. Рядовые граждане решительно требовали прекратить войну во Вьетнаме и вернуть на родину американских солдат. Черные цифры плакатов напоминали о жертвах самой Америки в этой ничем не вызванной, затяжной и бессмысленной войне.

Черные цифры растут и увеличиваются с каждым месяцем. Все больше американских матерей оплакивают своих сыновей, убитых в позорной и преступной войне за океаном.

Демонстрация представителей американских профсоюзов в Нью-Йорке. Над колонной лозунг: «Профсоюзы за мир!».

Американский журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» опубликовал диаграмму, по которой видна ежемесячная статистика убитых и раненых американских солдат во Вьетнаме (сверху над столбиком — число убитых, снизу — число раненых).

Выставка сбитых американских самолетов в Ханое. На сегодня сбито более 1 000 стервятников.

Фото ТАСС.

Иванова радуга

Поэма

Микола СЫНГАЕВСКИЙ

1

По земле —
могло же так случиться! —
радуга бежала
много дней...
Вот она в окно мое стучится,
смех свой рассыпает у дверей.

Радуга!
Люблю твои дожди —
голубые,
алые,
зеленые...
Не стесняйся, радуга, входи,
дай взглянуть в глаза твои влюбленные!

Я — Иванко,
я — Артемов сын,
батька мой придет сейчас с работы.
Подари мне золото и синь —
распахну все окна и ворота.

Вот тебе — садись за стол, дружок! —
огурец пупырчатый, хрустящий.
Дай мне краски — в школу, на урок,
принесу, скажу: — Нашел за чащей!

Нарисую небо и село,
подпишу: «Шатрище»—красным цветом
и добавлю Гитлеру назло
флаг и две звезды над сельсоветом.
Я стою под флагом тем родным,
на отца лицом чуть-чуть похожий...
К партизанам ночью непогожей
из села мы пробивались с ним.

А в году голодном
сорок третьем
бились в окна черные грачи.
Став вдовой — одна на целом свете,—
голосила мать моя в ночи:

— Не гори, не жги так сердце,
рана,
пеплом заклинаю и молю:
принесите, ветры, мне Ивана —
радугу последнюю мою.

Горестного,
меченного битвами...
За такого матери не стыдно!
За село я выхожу с молитвами,
а тебя, моя кровиночка, не видно.

Знать, любовь твоя,
как зорька ранняя,
бродит по растерзанной Европе...
Сын мой! Сын мой!
Может, наша радуга
мертвая
лежит в твоем окопе.

2

Вернулся я на пепелище,
сады лежат — порубанные всадники.
Мое село, мое Шатрище,—
одни лишь головешки в палисаднике.
Куда ни ступишь — мины, мины, мины,
и всюду печи черные под снегом.
А чьи-то матери проходят мимо,
и голод с торбою плетется следом.
И я встаю над горем, над бедой,
махоркою цигарку начиняю.
Я ваш Иван,
я сын ваш,
я живой!
Я жить на свете только начинаю!

Поет весна, играя желобами,
и снова руки тянутся к труду,
и хоть сердца несхожи с жерновами,
но перемелют общую беду.

Опять плуги ныряют по окопам,
и рядом с пулею легло зерно.
Сквозь стон могил,
у дедовских околиц
нам голос жита
услыхать дано.

Сдается камень под ломами и лопатами,
под топором бревно сосновое поет.
И Украина видит, как над хатами
вновь радуга Иванова встает!

3

Я выхожу в простор рассветный,
прощаюсь с юностью своей.
Летят года мои несметной,
бессмертной стаей журавлей.

И тени бьются на рассвете:
им не затмить мою весну.
С собой в дорогу
думы эти
и эту радугу возьму.

Ее цвета — мои тревоги,
мои надежды.
Желтый цвет —
цвет ржи. Зеленый — цвет дороги.
А красный — это цвет побед.

Мои враги боятся красного:
краснеют маки под грозой,
и на планету с неба ясного
слетают звуки красных зорь.

И сполохи, во тьме блистая,
как будто сливы, осыпаются,
и птичьи стаи, птичьи стаи
в моей душе перекликаются.

Я вслушиваюсь в рокот века
и в сердца собственного стуки,
и я на голос человека
свои протягиваю руки.

И чувствую: глаза туманит
чужая боль, чужой обман...
Как мать, мне сердце шепчет: — Ваня!
А воля, как отец: — Иван!

Ведь я — солдат в шинели серой —
недаром с правдой побратался.
Я в жизнь поверил чистой верой
и за двоих прожить поклялся.

Попробуй вровень с веком встать-ка!
— Ты должен! — век мне говорит.
И бронзовый, в шинели батька
за мною с площади следит.

4

Я люблю эти сполохи в жите,
эти мокрые травы во тьме...
Но теперь живу я в общежитье,
в молодой студенческой семье.
Нет у нас достатка и в помине,
но зато веселье — через край!
Заходи —
у нас настоян на калине
щедрый,
честный,
самый вкусный чай.

Мы живем коммуной — вечным маем,
в комнатенках тесных все вверх дном.
Мы на веру мир не принимаем,
мы хотим всю правду знать о нем.

Молодость шумна и неустанна...
Лекции и споры в перерыв.
Приняли в семью друзья Ивана:
всем хорош,
да слишком молчалив.

Тополь, тише! Этой ранней ранью
заприметил я тебя давно
и твой шелест, затаив дыханье,
перенесть хочу на полотно.

Радуга, открой мне тайну спектра,
научи любить тебя до слез...
Ветер перепутал все конспекты,
с подоконника латынь унес.

Где ты ходишь-бродишь, Беатриче?
Неужели ты лишь выдумка моя?
Голосок твой в журавлином кличе
на заре сегодня слышал я.

Забываются дороги, встречи, даты,
умирают соловьи во мгле...
Я приду, как флорентиец Данте,
и пойду с тобою по земле,
по степям любимой Украины,
где зарю девчата наши ткут.
На мои рисунки и картины
радуги из рук их упадут.

Поднимусь и стану к солнцу ближе,
зацвету, как яблоня весной...
Просыпаюсь —
мой Шевченко и Куинджи
в тишине склонились надо мной.

5

Нарисую радугу зимою,
твои плечи радугой укрою.
Сам себя надеждою порадую:
может, ты сойдешь ко мне по радуге?

А за окнами, за окнами белыми
свадьбу серебряную справляет зима.
Снежные вихри руками онемелыми
хватают меня за душу и сводят с ума.

А душа идет сквозь лютую вьюгу
кому на радость, а мне на беду.
Кличу, не докличусь: — Дай мне руку!
А может, ты под снегом, как яблоня в саду?

Нарисую радугу весною,
радуга повиснет над Десною,
и душе откроется внезапно:
— Может, мы увидимся завтра?

Забываешься ты, забываешься,
может, так нам и суждено?
С кем ты счастлива?
С кем встречаешься?
С кем весеннее пьешь вино?

уга

Ни улыбки твоей, ни привета...
Что ж, давай простимся до лета.

Нарисую радугу я летом —
небывалым зацветет она цветом.

Ты играй, переливайся надо мною
и с гармошкой гуляй за селом...
А захочешь — умывайся Десною,
а захочешь — повисни над Днепром.

Не забудь еще про дальнее поле,
где работает мать на току.
Отучи ее сердце от боли,
разметай по ветру тоску.

И свети, свети в небе до осени
и буди петухов по утрам.
Помогай подниматься нашей озими
и расти соседским малышам.

Я не знаю, почему, но под осень
сердцем вижу я, уйдя за село:
над полями наклоняется просинь
так печально и так светло.
Стонут ветры, лозы раскачивая,
и слезинка становится звездой...
Золотая моя,
песенная,
сказочная,
радуга связала нас с тобой!

6

Они встречались по весне
под зорями веселыми,
когда деревья в полусне
ветвями машут голыми.

Когда ручьи сквозь птичий гам
несут осколки звездные
и по полям, и по лугам
шумят побеги рослые.

Дубы не прочь взлететь с земли
за синими туманами.
Трубят вполнеба журавли
над синими лиманами.

Иван стоял... Глубокий след
года в душе оставили.
В какой-то лучезарный свет
его всего оправили.

Он видел зло, он знал давно:
оно в броню заковано,
но твердо верил лишь в добро,
что миру уготовано.

Он слушал шелесты дубов
над вешнею дорогою
и думал про свою любовь
с нездешнею тревогою.

Уснули вербы на Днепре,
уснули думы до рассвета.
Плывет в закатном янтаре
голубоглазая планета.

И ты плывешь в спокойном сне
и тянешься ко мне сквозь версты...
Что ж так тоскуют по весне
барвинки, ясени и звезды?

Немало горя у людей,
но счастья больше у народа,
и эта правда год от года
мне все становится ясней.

Но я люблю в полночный миг
бродить с печалью над рекою...
А радуга, как мой двойник,
опять смеется надо мною.

7

Первым проснулось утро,
а за ним — соловьи...
Вы задуманы дерзко и мудро,
жизнелюбы мои.

Поднимайтесь, трубите, горнисты,
час настал
для свершений больших.
Твои думы, Отчизна,
твои боли, Отчизна,
в сердце у них.

Погляди: журавлями рассветы
пьют росу...
С миллионами юных
по дорогам планеты
я сердце свое несу.

Море проносит сквозь грозы
мои корабли.
Берегут мои братья-матросы
счастье моей земли.

Мои крылья уносят моторы
за облака...
То в космические просторы
стартуют века.

Крепко задраены люки,
звезды стучат о металл...
Народились новые люди,
пока я рифму искал.

На земле, где туманы тают,
где колосья в полях звенят,
где подсолнухи прорастают
из сердец погибших солдат.

И море и небо — за нами,
у Иванов рука тверда,
и нашими именами
называют у нас города.

8

Смотрю на карту земного шара:
на север,
на запад,
на юг,
на восток...
Радуга — планета моя
с полюсом холода,
с полюсом голода,
с полюсом зноя —
с судьбой одною.

Радуга!
Как я, не вспомнив тебя,
рассказать смогу о вишневом цвете,
что осыпался рано
на светлую голову матери?

Знаю: ты поднималась над нею,
опоенная терпким настоем,
переливалась,
играла соцветьями.
И еще я знаю:
на ее колени
ты роняла звезду ночами.

Как о тебе мне не вспомнить,
мое соловьиное детство,
если, проснувшись, каждое утро
ловил я тебя на окнах?
А ты владело зенитом,
и детским моим восторгом,
и нашим радужным светом,
и первым, в мечтаньях, подвигом.
И мы за тобой тянулись
и мечтали
о великанах.

Как о тебе мне не вспомнить,
моя звездоокая юность,
если, выдуманная не мною,
ты пронзала в ночи облака,
и стояла над головою,
и краски свои разводила
чистой синькою из родника.
Взять хотел я тебя в ладони —
ты вдруг гасла на небосклоне.

Но сегодня, как света в коробе,
не утаить мне мальчишьей радости!
Знайте, в селе и в городе:
я — сын Украины и радуги.

Радуга!
Ты же не виновата
в том, что мир разделили
на черных,
на желтых,
на белых.

Сколько поруганных,
сколько порубленных,
сколько замученных,
сколько загубленных,
сколько закованных,
в камень вмурованных,
исполосованных
радуг на свете:
с полюсом нежности,
с полюсом вечности,
с полюсом смерти —
в едином спектре.

Радуга!
А тебя же рисуют
черные,
желтые,
белые.
Рисуют на окнах и на дорогах,
на белой бумаге
и на чистом небе —
радугу радости
с полюсом ясности,
с вишневыми снами
и с солнцем над нами.

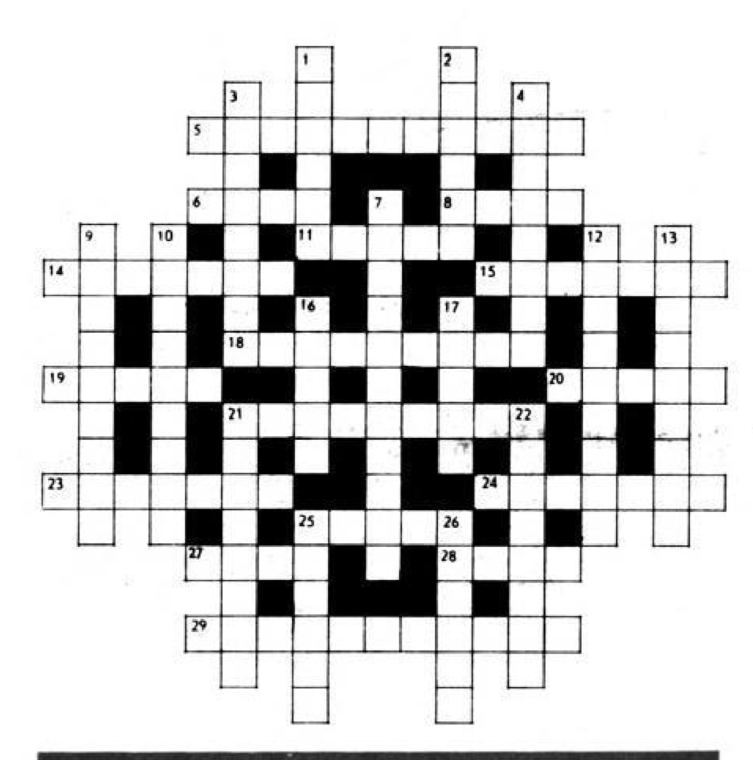
Смотрю на карту — некуда деться
радуге от огня.
Где бы ни целились в человечье сердце —
целятся в радугу,
целятся в меня.

Ты от крови красна,
ты на всех одна:
с радужным полюсом,
с пшеничным колосом,
с голосом брата,
с мечом солдата.

9

Я с тобой, Иван, ступал по гравию,
сеял хлеб и умирал в бою
и твою простую биографию
перелил я в радугу свою.

Перевел с украинского
Лев СМИРНОВ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Помещение для научных исследований. 6. Советская кинокомедия. 8. Электрод. 11. Город в ОАР. 14. Волокнистое и масличное растение. 15. Преподаватель, учитель. 18. Тип телескопа. 19. Пряность из высушенной апельсиновой или лимонной корки. 20. Опера Р. Леонкавалло. 21. Порода собак. 23. Древнегреческий математик. 24. Небесное тело. 25. Момент запуска ракеты. 27. Французский писатель XIX века. 28. Птица. 29. Запись танца условными обозначениями.

По вертикали:

1. Типографский набор вокруг рисунка, таблицы. 2. Насыщенный углеводород, топливо. 3. Мельчайший кровеносный сосуд. 4. Прибор для измерения высоких температур. 7. Персонаж комедии А. Н. Островского «Волки и овцы». 9. Собрание однородных предметов. 10. Музыкальный инструмент. 12. Курорт на берегу Каспийского моря. 13. Итальянский композитор XIX века. 16. Столица Греции. 17. Щит для экспонатов. 21. Странствующий актер в Древней Руси. 22. Украинский поэт. 25. Река в Великобритании. 26. Рассказ А. П. Чехова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

3. Салоники. 7. Академик. 8. Ельмарен. 9. Рант. 10. Азбука. 12. Азимут. 14. Тантал. 16. Великобритания. 19. Идиома. 22. Кончак. 24. «Кавказ». 25. Неон. 26. Открытка. 27. Дерматин. 28. Критерий.

По вертикали:

1. Делакруа. 2. Этикетка. 3. Семга. 4. Иньва. 5. Сказка. 6. Белуха. 11. Кислица. 13. Зарница. 14. Тикси. 15. Литва. 17. Юность. 18. Адажио. 20. Динамика. 21. Мандарин. 23. Каток. 24. Кюрий.

●

На последней странице обложки: Делегаты XXIII съезда КПСС Герой Социалистического Труда, бригадир монтажников Домостроительного комбината в Ленинграде С. И. Ткачев (справа) и депутат Верховного Совета СССР, слесарь завода «Электросила» Н. Н. Русаков направляются во Дворец съездов на заседание.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10570. Подписано к печати 30/III 1966 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7.
Тираж 2 000 000. Изд. № 574. Заказ № 802.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

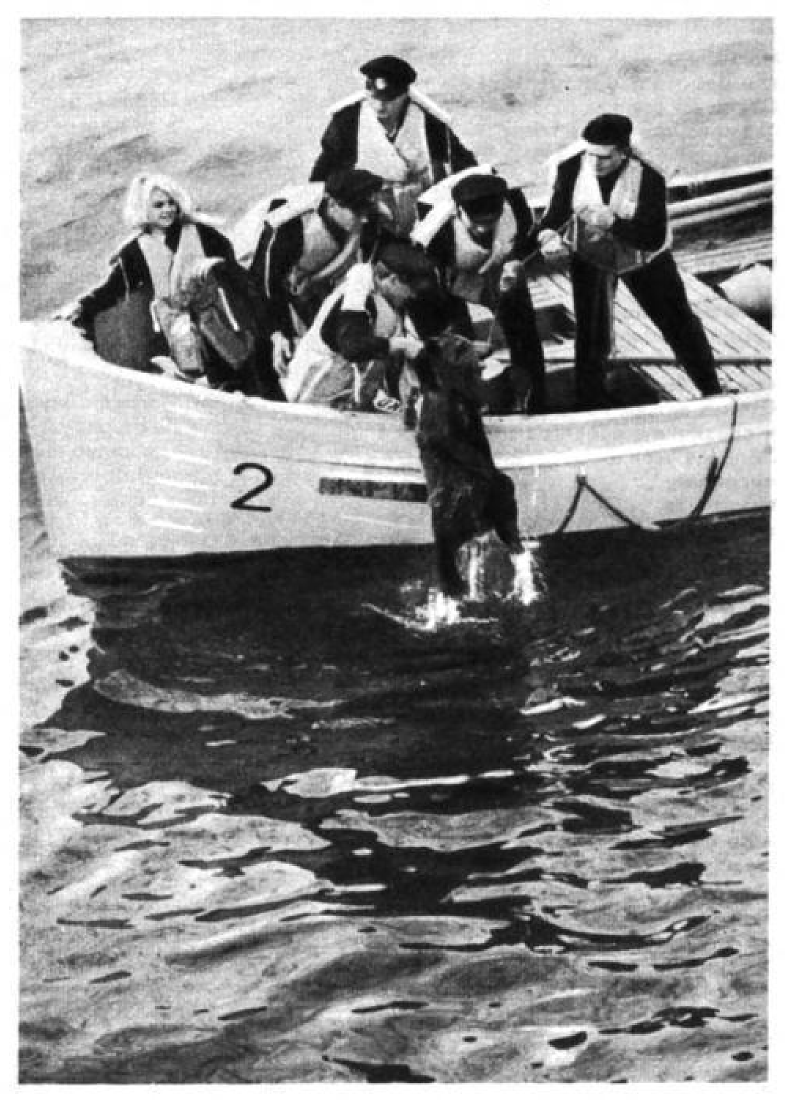
МОРСКАЯ ИСТОРИЯ

Марк МАРКОВ,

Николай РАХМАНОВ

Осенью прошлого года мы снимали кинофильм о приключениях медвежонка в море. Вместе с киногруппой на теплоходе был фоторепортер. И он тоже даром времени не терял: запечатлел множество эпизодов из жизни нашего киногероя Топки на судне.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663